

**Военные
Приключения**

ТАЙНА ОБЪЕКТА "С-22"

НИКОЛАЙ ДМИТРИЕВ

Военные приключения

Николай Дмитриев

Тайна объекта «С-22»

«ВЕЧЕ»

2012

Дмитриев Н. Н.

Тайна объекта «С-22» / Н. Н. Дмитриев — «ВЕЧЕ»,
2012 — (Военные приключения)

Над миром нависает Вторая мировая война. И, конечно же, новые технические разработки, способные поставить противника в тупик, вызывают интерес у разнообразных разведок и связанных с ними организаций. Вот и приходится Казимиру Дембицкому, распутывающему загадку убийства офицера, выполнявшего секретную миссию, сталкиваться с совсем уж неожиданными врагами и искать друзей там, где и не мог пан майор предположить...

© Дмитриев Н. Н., 2012

© ВЕЧЕ, 2012

Содержание

Часть 1	6
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Николай Дмитриев

Тайна объекта «С-22»

© Дмитриев Н. Н., 2012

© ООО «Издательский дом «Вече», 2012

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

Часть 1

Выстрел на рассвете

Петро Меланюк стоял возле соседской клуни¹, спрятав голову под старый, пахнувший прелым деревом, дармовис². Поздний февральский рассвет еще не наступил, и парня со всех сторон окружала зимняя промозглая мгла. Где-то недалеко звякнула ведерная дужка, стукнул цыберник³, и радостно завизжал узнавший хозяина пес. Село просыпалось.

Хлопец собрался переменить позу, но тут послышался приближающийся скрип шагов и Меланюк насторожился. Кто-то остановился за углом клуни, и знакомый голос дядьки Свирида хрипловато окликнул:

– Петро...

– Тут я... – негромко отозвался Меланюк и, откачнувшись от стены, высунулся из-под дармовиса.

– Ну то и добре. – Дядько Свирид разглядел Петра и осторожно покашлял в кулак. – Ось я товарища привел... Що вчора говорили...

Дядько Свирид подался чуть в сторону, и из-за его спины показался человек в городском пальто и рабочей кепке не по сезону.

– Доброго ранку, – поздоровался Меланюк, но дядька Свирид оборвал его:

– Потом побалакаете. Проведешь товарища до станции, как договаривались... И от що. Ты дома шо сказав?

– То що, в первый раз? – обиделся Меланюк. – Я до родичей за грошима йду, а то так...

– Ну-ну, вже набычився, молодой... – Дядько Свирид уловил в голосе Меланюка недвольные нотки и примирительно подтолкнул его в спину. – Ладно, давай Петре, шагай. В сели товарищ сзади пойдет, а там, дальше, можно й разом...

Рассвет застал их за Меланьиними хуторами. Заснеженные поля незаметно перешли в крутые увалы, поросшие лесом, и узенькая дорога, накатанная санными полозьями с чуть желтоватой навозной полосой посередине начала сползать в распадок. Зимний туман еще окутывал все вокруг молочно-иглистой дымкой, но по обе стороны дороги уже явственно проступил лес. Чуть дальше разлапистого молодого ельника, засыпанного рыхлым снегом, угадывались прямые стволы пошедших в рост сосен, а прямо по склону возник ломаный переплет голых ветвей дубового урочища.

Приостановившись на скользкой колее, Петро подождал, пока его спутник подошел ближе, и с интересом поглядывая на мужчину в черном пальто, спросил:

– Называть-то вас как?

– Зови товарищ Иван, – усмехнулся напарник и в свою очередь оценивающим взглядом окинул Меланюка.

– Добре, товарищ Иван. – Меланюк хотел протянуть руку, но не решился и вместо этого зачем-то сказал: – Вы не беспокойтесь, я у нас в КПЗУ⁴ на связи был...

– А вот это лишний разговор. – Товарищ Иван строго посмотрел на Петра. – Далеко еще?

– Верст семь, а може й десять. – Пожал плечами Петро. – Пешком оно завсегда дальше...

– Ясно. Пошли тогда. – Мужчина зябко сунул руки в карманы пальто и решительно зашагал по дороге, слегка опережая Петра.

¹ Клуня – строение для молотбы хлеба.

² Дармовис – длинное выступление крыши на боковой стене, под которым хранили хозяйственную утварь.

³ Цыберник – шест, с помощью которого журавль поднимает из колодца ведро.

⁴ КПЗУ – Коммунистическая партия Западной Украины.

– А ото вы вже зря. – Меланюк укоризненно посмотрел на черную спину, качавшуюся впереди. – КПЗУ пивроку как распустили, только я вам скажу що я з цим не згоден, да и вся наша ячейка тоже не согласная.

– Я знаю. – Товарищ Иван обернулся и в упор посмотрел на Меланюка. – И ты мне об этом не говори, хватит, что твой дядька Свирид полночи душу мотал. Понял?

– Понял. – Петро поскользнулся и неловко взмахнул рукой. – Вы не думайте ничего, товарищ Иван, это я только чтоб вы знали...

– Только я? – Товарищ Иван весело рассмеялся. – А ты, оказывается, дипломат...

Он вдруг оборвал смех и прислушался. Где-то позади раздавался ровный топот лошадиных копыт.

– Что это? – Товарищ Иван вопросительно посмотрел на Меланюка.

– Як що? – пожал плечами Петро. – Конем хтось едет...

– Эх ты! Едет... Строевой конь нас догоняет. Нам бы спрятаться, а?

– Спрятаться?.. – Петро на секунду задумался. – Это можна! Там у развилки сарай ничейный, у ньому лесники сено держать... Може туды?

– Ну давай туды. Только быстренько, товарищ Петро!

Старый щелястый сарай спрятался в самом низу распадка под крутым оледенелым косогором. Видать, со времени последнего снегопада никто из лесников не ходил за сеном, и поэтому к воротам пришлось добираться прямо через небольшие сугробы. Товарищ Иван сожалеюще оглянулся на четкую цепочку следов, тянущуюся от дороги, и, горестно вздохнув, прикрыл за собой створку. В сарае сразу стало темнее, и все щели превратились в мутноватые полосы.

Петро нагреб себе охапку сена побольше и с удовольствием завалился на мягкую подстилку. Он не особенно разделял опасения спутника, тем более что, пока они бежали к сараю, топот стих. Однако и возражать Петро тоже не стал, в конечном счете, лишняя осторожность никогда не помешает.

Глаза постепенно привыкали к темноте, да и снаружи рассвет брал свое, быстро сгоняя туман с дороги. Никакой погони не было слышно, и товарищ Иван, отойдя от ворот, полез в карман за папиросами. Пачка оказалась пустой и он, напрасно пошарив в ней пальцами, отбросил в сторону. Прошуршав по стене, коробка упала в светлую полосу, и Петр увидел белосиний рисунок «Мевы» с аккуратно надорванным золотистым ярлыком. Петр протянул руку, ощупал пальцами давлено-круглый шифр «ПМТ⁵» на ярлычке и усмехнулся.

– А чо-нибудь с буквами «ПМС⁶» у вас часом нема?

– Ишь, губа не дура! – Напарник Петра весело фыркнул и согласился. – Пожалуй, ты прав, по чарке не помешало б... Морозит.

– Жаль, согрелись бы малость... – Меланюк завозился на своей подстилке. – А скажите, товарищ Иван, коли ж буде тая революция?

– Завтра!

В ответе послышалось что-то странное, показавшееся обидным Петру.

– Смеетесь... А я серьезно! Я той июль 38 го добре запомнил. А теперь думаю, може, ее и вовсе не будет...

– А ты, хлопче, в КПЗУ сколько времени состоял?

На этот раз в голосе товарища Ивана не было и тени насмешки, и Меланюк отозвался с жаром:

– Аж пивтора року!

⁵ ПМТ – Польская монополия табачная.

⁶ ПМС – Польская монополия спиртовая.

– Полтора года, говоришь... А я, – начал было товарищ Иван, но сразу оборвал себя и заговорил о другом. – Про львовскую демонстрацию тебе известно?

– Владу червоним? Во, то по-нашому!

– А что вот эти «кресы всходни⁷» красными называют, слышал?

– Це знаю.

– Так не мешает тебе знать, что сейчас февраль 39 го, и революция, может, и раньше будет чем мы с тобой думаем... – Товарищ Иван круто повернулся к Меланюку. – Мне Свирид говорил, тебя в «Сильський господар»⁸ пристроили. Там как, все выходит?

– А чом йому не виходити? Там дядько Свирид добре помозговав.

– Ну, там не один Свирид мозговал...

Товарищ Иван внезапно замолчал и прислушался. За стеной сарая снова отчетливо послышался конский топот. Петро с напарником одновременно метнулись к воротам и прильнули к широкой щели между рассевшихся досок. Топот приближался, и через полминуты, к своему удивлению, они увидели лыжника.

Красивый оседланный конь шел машистой рысью, подгибая голову, и, как бы играя, отбрасывал бабки в сторону. К пустому офицерскому седлу был привязан длинный ремень, и, держась за него, элегантный молодой мужчина уверенно скользил по снегу рядом с дорогой. Не обратив ни малейшего внимания на следы у ворот, он круто свернул, объезжая сугроб, и проскочил так близко от стены, что в сарай явственно донеслось шипение его лыж.

Петро приоткрыл створку и, увидав, что лыжник от развилки повернул вправо, позвал спутника.

– Пошли, товарищ Иван. Той пан в лес кататься поехал, а нам в другой бик, до переезду...

Не отвечая, напарник начал пробираться к дороге, стараясь ступать в свои же следы, и тут где-то выше, за косогором, глухо треснул выстрел.

– Что, винтовка?

Товарищ Иван замер и инстинктивно пригнулся, как будто стреляли в него.

– Та чога ви боитесь? – удивился Петро. – Ну и що, що стрельнули?.. Тут в дубняках кабанов до чорта, вот пани по дзикам из карабинов й палять...

– А у вас что, запрета на охоту нет?

– А які у пана запрети?.. У пана тут на все дозвіл...

Они выбрались на дорогу и молча зашагали дальше. Уже на самой развилке, еще раз глянув на лыжню, круто свернувшую в сторону, товарищ Иван вдруг сказал:

– Ты не думай, что я выстрела испугался. Это у меня, брат, привычка такая...

– Не знаю...

– И хорошо, что не знаешь, – негромко отозвался товарищ Иван и зачем-то поглядел на чащу, в которой минуту назад кто-то стрелял из карабина по кабанам...

* * *

Кабинет полковника Янушевского больше напоминал малую гостиную 10 х годов начала века. Сюда не долетали звонки варшавских трамваев, гудки автомобилей, да и вообще шум столичной улицы только угадывался за плотно зашторенными окнами. И только большой трехдиапазонный «Телефункен», что-то мурлыкавший на приставном столике, точно указывал на время, царившее где-то там снаружи. Дневной свет тоже не проникал в помещение, и его заменяла настольная электрическая лампа, сильно напоминавшая зеленоватый стеклянный гриб.

⁷ Кресы всходни – польское название западно-украинских территорий.

⁸ «Сильський господар» – общество сельских хозяев.

Сам полковник, утонув в глубоком кожаном кресле, только что срезал кончик сигары и, затягиваясь дорогой «Гаваной», внимательно наблюдал за своим визави, плотным майором, который сидел подчеркнуто прямо и быстро просматривал листки тоненькой папки.

– Познакомились, пан майор? – Янушевский положил сигару и, зная, что его собеседник не курит, вежливо разогнал ладонью поднявшуюся над пепельницей струйку дыма.

– Так, пан полковник. – Майор поднял голову. – Но, признаться, пока только уяснил, что поручик Гжельский убит во время лыжной прогулки и не более.

Янушевский откинулся на мягкую спинку и, глядя на дымок, вновь поднявшийся над пепельницей, заговорил:

– Дело в том, что Гжельский отвечал за сохранение тайны на объекте С-22. Это сборочная площадка в шестнадцати километрах от железной дороги. Детали поступают из Варшавы, Львова и Люблина. Руководит работами инженер Брониславский, и факт убийства поручика меня весьма настораживает.

– Но это, так сказать, не мой профиль, – осторожно возразил майор. – Кажется, что-то связанное с пресловутыми «живыми торпедами»?

Последнее время начали ходить слухи о новом оружии под этим интригующим названием. Были даже добровольцы, готовые записаться в «живые торпеды», и сейчас собеседник Янушевского слегка прошелся на этот счет, но полковник не принял иронии.

– Да, связано. – Янушевский наклонился вперед и снизил голос: – И именно здесь мне нужен человек, которому я доверяю безоговорочно.

Майор признательно поклонился, и Янушевский снова откинулся назад.

– Я думаю, знакомить пана майора с обстановкой нет нужды. Скажу только, что считаю необходимым сохранить все детали расследования втайне.

– Но, насколько я понял, о гибели поручика знают все.

– Разумеется. И официальное следствие идет полным ходом.

– Так. Догадываюсь... Значит, в целях сохранения тайны желательно вести два следствия и соответственно иметь два вывода?

– Именно так, – кивнул Янушевский. – Общественность должна быть успокоена, а тайна, по возможности, сохранена.

– Понимаю. Но, боюсь, одному мне...

– Предусмотрено. Вам передается группа офицеров Польской Организации Войсковой.

– Из местных?

– Само собой. Люди проверенные. Так что никаких приезжих.

– Но тогда и мне лучше сохранить инкогнито.

– Именно так, – согласился Янушевский. – Кстати, два года назад здесь, в Варшаве, вы носили имя Казимира Дембицкого и имели связи в журналистских кругах. Как вы на это смотрите?

– Значит, снова пан Казимир... Пожалуй. – Майор задумчиво покачал головой. – А нельзя ли организовать от моего имени две-три статейки, ну, скажем, что-то вроде очерков по родному краю?

– Вполне.

– И еще... Мне кажется, в воеводстве следует намекнуть, что истинная моя цель совсем другая.

– Поясните... – не понял полковник.

– Ну, скажем, анализ общественного мнения и национально-политической ориентации в связи с изменением международной обстановки. Поскольку наша «двуйка»⁹ считает, что мы

⁹ «Двуйка» – Отдел Польского Генерального штаба.

вступили в предвоенный период, это будет убедительно и обеспечит мне полную поддержку в поле деятельности.

– Пан майор верен себе и, как всегда, стремится зарыться поглубже? – полковник дружески улыбнулся и, не выдержав, потянулся за сигарой.

– Что делать? Когда я еще служил у генерала Самойло, один веселый штабс-капитан... – Майор развел руками и шутливо показал на Янушевского. – Называл это системой «луковка», ибо, чем больше шкур на нас напялено, тем труднее нас разоблачить.

Полковник быстро посмотрел на майора, и в глазах у него промелькнули веселые бесики.

– У вас хорошая память... – Улыбка внезапно пропала, и Янушевский перешел на деловой тон. – Дополнительные просьбы есть?

– Да. Я хотел бы детально пересмотреть наш резерв.

– Хотите подыскать для себя еще кого-нибудь? Ну что ж... Не возражаю. – Полковник окончательно отложил сигару и встал. – Желаю успеха... пан Казимир...

* * *

Шеф воеводской полиции пан Зарембо был явно не в духе. Он сидел в своем кабинете и бесцельно крутил в руках карманное зеркальце, время от времени ловя в нем отражение белого орла на красном квадрате, украшавшем за его спиной стену. Дело в том, что вчера пану Зарембо конфиденциально сообщили, что из Варшавы выехал некто Казимир Дембицкий с самыми широкими полномочиями. При этом шеф «коменды» нюхом чуял, как эти самые полномочия распространяются на дело Гжельского, отчего зеркальце в его руке вздрагивало.

Внимание начальника привлек шорох у двери, и пан Зарембо метнул бешеный взгляд на вошедшего чиновника в прилизанной униформе.

– Что?

Пан Зарембо владел собой, и его голос звучал ровно, но белки глаз начальника постепенно наливались кровью, и уж кто-кто, а подчиненные слишком хорошо знали, что это значит.

– Что по делу Гжельского? – с некоторым нажимом спросил Зарембо.

– Версия о случайном выстреле отработана. – Офицер полиции неслышно приблизился. – Опрошены все, кто был в тот день в лесу и кто кого видел.

– Лес большой. – Поджав губы, со знанием дела Зарембо многозначительно добавил: – И нет гарантии, что все говорят правду.

– Учитываем.

– Ну и?..

– Уже есть кое-какой результат.

– Слушаю.

– В Загайчиках политический отдел вел слежку по своей линии. Оказалось, что некто Меланюк вывел за околицу кого-то неизвестного и пошел с ним в сторону леса.

– Это все?

– Нет. В сарае с сеном прятались двое. Остались очень характерные следы.

– Одних следов мало.

Голос начальника звучал так же, однако белки постепенно становились нормальными. Заметив это, подчиненный позволил себе возразить по ходу дела:

– Но лыжня Гжельского делает там странный поворот. Как будто он что-то увидел и вильнул в сторону. Следовательно Вальчак считает возможным выстрел из этого сарая.

– Но от сарая до места, где нашли Гжельского, больше ста метров.

– Конь мог испугаться выстрела, а если ремень был перехлестнут через руку, то и тащить тело.

– Логично... – Шеф задумался. – Меланюк арестован?

- Уже.
- Хорошо. И учтите, Варшава заинтересовалась нашей работой.
- Я понял. . . Да, меня просили передать, что какой-то Дембицкий, литератор из Варшавы, хочет поговорить с вами.
- Кто?.. Литератор? – Зарембо не сумел сдержаться и слишком поспешно спросил: – Где он?
- Здесь.
- Здесь? – Взгляд шефа снова уперся в зеркальце. – Так! Через пару минут. . . Ко мне. Офицер понимающе кивнул и неслышно вышел из кабинета.
- Против ожидания посетитель появился почти сразу и еще в дверях расцвел лучезарной улыбкой.
- Казимир Дембицкий. Литератор. Из Варшавы.
- Зарембо бросил быстрый, оценивающий взгляд на вошедшего, отметил про себя, как тот под нарочитой сугубостью пытается скрыть вьезшуюся за года офицерскую выправку, и встал из-за стола.
- Зарембо. – Начальник полиции сдержанно улыбнулся. – Присаживайтесь.
- Благодарю, – посетитель опустил в кресло.
- Чем могу служить? – подчеркнуто вежливо Зарембо сел после гостя.
- Некоторое время Дембицкий весьма откровенно рассматривал шефа полиции и вовсе не торопился отвечать. Молчание вот-вот готово было перейти границы приличия, и тут пан Казимир очаровательно улыбнулся.
- Знаете ли, я хочу подготовить ряд очерков под ориентировочным названием «Жизнь на креслах».
- И что, для этого необходима помощь полиции? – в свою очередь Зарембо расцвел прямо-таки голливудской улыбкой.
- Приятно иметь дело с умным человеком. – Пан Казимир наклонился к столу. – Я имею сообщить кое-что доверительно. . .
- Я весь внимание. . . – Зарембо наклонился тоже.
- Мне поручено. . . Тщательно изучить настроение всех социальных слоев воеводства. . .
- Такого Зарембо никак не ждал и от растерянности сам того не желая, проговорился:
- Разве полиция работает недостаточно?
- Я считаю, – многозначительно усмехнулся пан Казимир, – что полиция не может работать плохо, если ее шеф умеет опережать события. . .
- Зарембо понял, что попал впросак и сразу сменил поведение.
- Не так уж у нас и благополучно. . .
- Пан имеет в виду прискорбный случай с каким-то поручником?
- Зарембо уже все уяснил и тут же начал оправдываться:
- Но мы уже напали на след и даже арестовали одного типа. . .
- К моему заданию это не относится. – Дембицкий неожиданно властно остановил Зарембо. – Должен поставить пана в известность, что это я приказал сообщить о своем приезде.
- Но почему так?.. – Шеф полиции замялся, подыскивая слова.
- Обстановка, – жестко пояснил Дембицкий. – Надеюсь, пан знает, что мы уже вступили в предвоенный период?
- Понял. – Зарембо сразу подобрался. – Что нужно от полиции?
- Информация.
- Все будет сделано. Я сам. . .
- Ни в коем случае. – Дембицкий сделал предостерегающий жест. – Я думаю, у пана Зарембо найдется доверенный человек?

– Разумеется. Могу рекомендовать доктора Закржевского. – Зарембо вздохнул с облегчением и тут же пустил пробный шар: – Кстати, он привлечен мною как эксперт по делу Гжельского.

– Это не помешает... Где я могу с ним познакомиться?

И тут Зарембо немедленно продемонстрировал тонкое понимание задачи.

– Я могу вызвать пана доктора прямо сейчас, а вечером, в польском клубе организовать все необходимые знакомства...

– Превосходно! – благожелательно кивнул пан Казимир, и Зарембо тут же нажал скрытую кнопку электрического звонка...

* * *

Папка лежала на столе, и следователь Вальчак любовно поглаживал ее пальцами. За четыре дня следственное дело успело обрасти кипой бумажек. Там был добрый десяток фотографий, план дорожной развилки с санным сараем и следом лыжни, рапорта полицейских, протокол допроса егеря, первым наткнувшегося на тело Гжельского, а еще в ящике стола хранилась на всякий случай приобщенная к делу смятая пачка «Мевы».

Пан Здислав Вальчак уже досконально изучил все имеющиеся бумажонки, и теперь серая невзрачная папка лежала у него под рукой, а перед столом посередине комнаты сидел и первый арестованный по этому делу. Пан следователь специально выбрал для допроса вторую половину дня и теперь не спеша приглядывался к молодому селянскому парню, скованно сидевшему на привинченном к полу табурете.

Выйти на этого селюка помог политический отдел, охотившийся за видным коммунистом, и сейчас пан Вальчак обдумывал, как это использовать. Наконец план допроса окончательно сложился и он, тяжело вздохнув, как бы нехотя начал:

– Меланюк Петро... – Следователь сделал многозначительную паузу и представился. – Я, следователь Вальчак, буду вести твое дело... За что тебя арестовали, знаешь?

– Не знаю, ясновельможный пан, видит бог, не знаю...

– Не знаешь... А третьего дня куда ходил?

– Третьего?... – переспросил Петро. – А к дядьке ходил в Выселки. Грошей хотив позичти...

Ответ его звучал спокойно, но парень уже понял, что именно интересует следователя, и внутренне напрягся.

– Денег занять, говоришь... – Вальчак тут же уловил волнение Меланюка. – А на что тебе вдруг гроши зандобились?

– Як на що? – искренне удивился Меланюк. – Мени грошей край треба, я ж до «Сильского господаря» вступив...

Бумажки из серой папки связи с коммунистами только предполагали, а вот подтвержденное членство «Сильского господаря» говорило совсем о другом. Вальчак про себя отметил этот важный момент и только после паузы продолжил:

– До «Сильского господаря», говоришь... М-да... Там люди самостоятельные... Ну, а как к дядьке ходил, по дороге никого не встречал?

– Да вроде нет...

Вальчак вытащил из ящика пачку «Мевы» и положил ее на стол. Силуэт чайки сразу бросился в глаза, и Петро против воли вздрогнул.

– Значит, нет? – В голосе Вальчака появился металл. – А точнее?

– Та вроде как був хтось на дороге. – Петро сделал вид, что вспоминает. – Здається на станцію йшов... я його не знаю зовсім.

– Не знаешь?... Хорошо. А выглядел как он? Во что одет был?

– А я хіба помню?.. Такой себе дядько. Пидстаркуватий... А одягнений... Як вси одягнений...

– Так... А говорили о чем?

– Та який же у нас разговор, ясновельможный пане... Так себе, селяньска розмова...

– Значит, так себе... И по дороге ничего интересного не было?

– А що ж по дороге може бути? – успокоился Меланюк. – Дорога як дорога...

Вальчак уже понял, что Меланюк либо умело выгораживает своего спутника, либо говорит правду. И тут следователь, перегнувшись через стол, внимательно посмотрел на обувь арестованного.

– Сапоги на тебе те же были?

– А яки ж? – удивился Петро. – Других не маю...

– Следы ими оставил?!

– Яки слиды?

– Вот эти! – Вальчак выхватил из стола и ткнул Петру под нос фотографию. – Ну?.. Зачем в сарае сидели?

И тут Петро сплеховал. Он уже приготовился отвечать в одном плане, а о сенном сарае даже не думал. Меланюк непроизвольно облизал губы и сбивчиво ответил:

– То так заходили... Дядько перевзувавсь.

– Да?..

Вальчак демонстративно погладил лежавшую на столе пачку «Мевы», но Петро уже овладел собой и с жаром ответил:

– Ну курити хотив! Я гадав, вин й мени дасть, а пачка порожня, от вин и кинув.

– Иш ты, выкинул... А чего тогда бегом бежали?

– Та не бигли ми зовсім... Там же снегу багато.

– Багато... – передразнил Меланюка Вальчак. – А как вышли, что, меньше стало?

– Та не в тому дило. Як виходили, в лесу хтось з ружья пальнув. Так той дядька, що з мною був, аж присив...

Едва Вальчак услышал о выстреле, как внутри у него что-то дрогнуло, и он еле-еле заставил себя сохранять кажущееся спокойствие.

– Это где ж стреляли-то?

– А десь позаду, за косогором...

Меланюк даже поднял голову, как будто посмотрев на этот самый косогор.

– А чего там стрелять? – деланно удивился Вальчак.

– А я знаю? – пожал плечами Петро. – Може пани дзиков били...

– Кабанов, значит... – Вальчак выдержал паузу. – А лыжника с лошадьо ты там не видел?

– Чом ни? – спокойно отозвался Петро. – Проезжав. Як ми в сарае були.

Для внутренне собранного Вальчака ответ показался уж слишком равнодушным, и следователь рубанул с плеча:

– Так вот, Меланюк, ты обвиняешься в тягчайшем преступлении... В убийстве поручника Гжельского!

– Яке вбивство?.. – опешил Меланюк. – Який поручник?..

– Тот самый лыжник и есть поручник Гжельский, – четко, с расстановкой пояснил Вальчак.

– Да вы што, сдурели, пане, чи що?!.. – Меланюк аж подскочил на своем табурете. – Той пан в лис кататись поихав, а ми соби дальше пишли!

И вот тут Вальчак в первый раз по-настоящему удивился. В то, что этот селюк может играть так искренне, он не верил, да и немалый опыт говорил, что Меланюк слышит об убийстве впервые. Следователь ожидал истерики, отрицания, всего чего угодно, но только не воз-

мушения. Оставалось одно – начинать все сначала, и подперев подбородок ладонью, Вальчак тихо сказал:

– Может быть, может быть... Да, похоже, парень, что сам ты и не стрелял, только расскажи-ка мне все с самого начала и правду...

* * *

Если идти по улице Легионов от собора к старому замку, то первый же поворот направо уводил прохожего от городского шума в уютный покой новомодной застройки, где вдоль выложенной дорогой «косткой» проезжей части выстроились в ряд респектабельные дома. Здесь, совсем рядом с центром, буквально в нескольких шагах от него, наслаждались тишиной люди, составлявшие элиту польского воеводства. Именно сюда в эту улочку только что свернул пан Казимир Дембицкий и не спеша зашагал по аккуратным, тщательно очищенным от снега и наледи плиточкам тротуара.

Он дошел до дома № 6, со скучающим видом посмотрел по сторонам и, неторопливо войдя в подъезд, начал подниматься по парадной лестнице. На площадке третьего этажа он остановился. Нажав кнопку электрического звонка, пан Казимир ждал. Через некоторое время дверь распахнулась. Майор ожидал увидеть горничную или лакея. Но перед ним явно стоял сам хозяин. Еще молодой, но уже начинающий полнеть мужчина с пышными великопольскими усами, одетый в домашнюю куртку с бранденбурами.

– Пан Игнаций Мышлаевский? – Дембицкий слегка поклонился.

– Да. С кем имею честь?.. – хозяин гордо вскинул голову.

– Дембицкий. Из Варшавы.

– Прощу... – Мышлаевский сделал широкий приглашающий жест и еще в передней поинтересовался: – Я слышал, пан нумизмат?

– Разумеется.

Пан Казимир достал из портмоне монетку и отдал хозяину. Тот внимательно рассмотрел ее и только теперь вытянулся в струнку.

– С прибытием пан...

– Майор, – закончил Дембицкий и спросил. – Куда?

Мышлаевский провел гостя через всю квартиру в комнату с большим угловым окном, выходящим сразу на две стены. Напротив одной стороны окна полыхал богато украшенный изразцами камин, а против другой стоял диван, покрытый свисающим со стены ковром, на котором висела целая коллекция старинного оружия. Оценив ее по достоинству, пан Казимир скользнул взглядом по корешкам фолиантов, прятаящихся за стеклами стоявшего тут же книжного шкафа, по придвинутым к камину двум новомодным креслам с подлокотниками в виде танковых гусениц и обратил внимание на скромный литографический плакат, висевший чуть сбоку камина. Майор подошел ближе и наклонился.

– «Чудо на Висле», – вслух прочитал надпись пан Казимир и повернулся к хозяину. – Как я понимаю, этот плакат здесь не случайно?

– Да. – Мышлаевский улыбнулся. – Мои знакомые уверяют меня, что я похож на того гарцежа¹⁰.

– Но вы были в том бою?

– Конечно.

– Еще гимназистом?

– Так, пан майор.

¹⁰ Гарцежи – молодежная организация скаутского типа.

– Ну а теперь вы пан, поручник... – Пан Казимир в упор посмотрел на Мышлаевского. – Да, кто еще в квартире?

– Никого. Я сам. Не люблю, знаете ли, в доме лишних людей.

– Ну тогда к делу. – Пан Казимир шагнул к креслу. – Вы позволите?

– Конечно, конечно, – спохватился Мышлаевский. – Пусть пан майор чувствует себя как дома.

– Ну если так... – Пан Казимир сел, подтянул ближе второе кресло и непринужденно протянул руки к огню. – Садитесь рядышком, пан поручник, и, ради бога, извините, с самого детства неравнодушен к каминам...

– Понимаю... – Мышлаевский несколько церемонно опустил в кресло. – Я, знаете ли, стою за старинный польский чин...

– Как и все мы... – На какой-то момент пан Казимир ушел в себя, но сразу встряхнулся. – Вы, конечно, о Гжельском слышали?

– Постольку-поскольку...

– Мне тоже известно мало. Ведет дело следователь Вальчак. Вы его знаете?

– Слышал. Говорят, дотошный.

– Такого и надо. Так вот, он убежден, что задержанный по этому делу Меланюк сам не стрелял, но каким-то боком причастен. Тут еще не все понятно. С одной стороны, вроде связан с коммунистами, с другой, член «Сильского господаря»...

– Националист? – оживился Мышлаевский. – ОУН?

– Не доказано... Этот Меланюк упорно твердит, что там в лесу охотники кабанов гоняют и, стало быть, стреляли из охотничьего карабина.

– Считаете, просто несчастный случай?

– Не исключаю... Тут либо снайпер, либо охотник... Но, считаю для охотника слишком неподходящее время. – Пан Казимир на какое-то время задумался и только потом высказал пожелание: – Вообще-то, неплохо было бы самим посмотреть...

– Никаких проблем. – Поручик сразу понял, что требуется. – У меня собственный автомобиль.

– О, даже так! – Пан Казимир улыбнулся. – Ну, тогда завтра утречком мы с вами едем осматривать эти кабаньи места...

* * *

Аккуратно притворив дверь номера, пан Казимир неторопливо пошел по коридору, помахивая латунным ключом, прицепленным к толстой деревянной груше. Свернув с устланного бобриком коридора на круто загибающуюся лестницу, майор услышал, как вощенные ступени с медными шишечками над ковровой дорожкой заскрипели на разные голоса. Отель «Бристоль» был достаточно стар и добротен старомоден. Он очень нравился пану Казимиру. Особенно его лестница с ее скрипом рассыхающихся от времени ступенек. Этот скрип и запах обжитого жилья прочно связывали пана Казимира с детством. Такая же скрипучая лестница была в старом дедовском доме, где так же пахло вошеным паркетом, начищенной латунией и еще смесью других, чем-то неуловимо похожих на «Бристольские», запахов.

Лестница кончилась, и, пребывая в самом лучшем настроении, майор очутился в холле. Портье, уже давно услышавший шаги, выжидательно смотрел на него. Улыбаясь собственным мыслям, пан Казимир положил ключ на стойку. С легким полупоклоном портье перехватил ключ за бородку и, крутнув грушу в воздухе, изящно-небрежным жестом кинул его себе за спину. К удивлению майора, ключ проделал сальто в воздухе и с легким стуком вошел в бархатное гнездо под цифрой номера.

– Недурно, – пан Казимир одобрительно качнул головой. – А нельзя ли еще разок?

Портье с готовностью подхватил несколько ключей, разложил их на стойке и поднял палец.

– Пан может загадать число.

– Нет, нет... – отказался пан Казимир. – На усмотрение пана...

– Алле-гоп!

Рука портье начала описывать круги, и деревянные груши точно влетели каждая на свое место.

– Bravo, bravo... – Майор беззвучно зааплодировал. – Пан артист!

Портье благодарно поклонился, но тут с улицы долетел автомобильный гудок, и пан Казимир, сделав портье ручкой, вышел на улицу. Перед отелем его ждала роскошная «лянчия», возле которой топтался поручик Мышлаевский. Поздоровавшись, пан Казимир залез в кабину, и машина сразу же тронулась с места. Осваиваясь, пан Казимир некоторое время рассматривал внутреннее убранство салона и наконец восторженно цокнул языком:

– И где это пан раздобыл такой роскошный автомобиль?

– На Краковском предместье.

– Уж не в том ли магазине, что рядом с Генеральным штабом, вроде как напротив «Европейской»?

– Именно там.

– Да, богатая игрушка...

– Это еще что. – Мышлаевский рассмеялся и легко откинул среднюю подушку сиденья: – Смотрите!

В уютной кожаной раковине жемчужиной влажно поблескивал голубоватый фаянсовый унитаз. Пан Казимир громко, от души, рассмеялся.

– Скажите, поручик, а подешевле туалета там не имелось?

– Нет, – в тон ему ответил Мышлаевский и густо захохотал, довольный произведенным впечатлением.

Пока пан Казимир вместе со своим спутником весело обсуждали все мыслимые и немыслимые достоинства итальянки, «лянчия» миновала домишки предместья и, вырвавшись на дорогу, помчалась в сторону Чешских фольварков. На обочине замелькали голые кусты, и в разговоре сам собой наступил перерыв. Потом после довольно долгой паузы, Мышлаевский, поглядывая в окно, уже по-деловому заметил:

– Напрасно едем...

– Почему?

– За эти дни там все затоптали.

– Скорее всего так... – согласился майор и замолчал надолго.

Наконец, проскочив полтора десятка километров, «лянчия» останавливается возле сарая. Майор с Мышлаевским вышли, пан Казимир посмотрел на истоптанный сугроб и вздохнул:

– Не меньше, как стадо слонов прошло...

Все-таки они оба вошли внутрь сарая, и пан Казимир, внимательно изучив все щели, сделал вывод:

– Нет, отсюда стрелять не могли.

– Зато сигнал дать могли, – возразил Мышлаевский.

– Само собой, – согласился майор и сказал: – Посмотрим дальше.

Они молча прошли вдоль еще кое-где видных следов лыжни и остановились возле покосившегося колышка.

– Здесь...

Пан Казимир, скептически рассматривая вдоль и поперек истоптанный косогор, поинтересовался:

– Скажите, поручик, по вашим представлениям, через сколько времени падает сраженный насмерть?

– Мне кажется, секунды три...

– Допустим... Тогда, скорость лыжника здесь была километров десять-пятнадцать, лыжи скользят по инерции...

– Около десяти метров... – Мышлаевский внимательно посмотрел на майора.

– Тогда пошли назад.

Отсчитав по ходу двенадцать шагов, пан Казимир решительно свернул на обочину. Мышлаевский порывался было идти за ним, но майор остановил его:

– Нет, нет, стойте, пожалуйста, на этом месте...

Пан Казимир начал подниматься на косогор, но, пройдя с десятков шагов, неожиданно выругался. Нагнувшись, он разгреб снег и увидел косо срубленный пенек. Дальше майор поднимался уже строго по прямой, держа в створе пенек и фигуру Мышлаевского.

Пройдя еще метров тридцать, майор обернулся и сделал несколько шагов влево, а потом вправо. Мышлаевский был виден только все в том же створе. Еще через несколько шагов майор наткнулся на толстое дерево с уходящей в сторону веткой. Увидев что-то похожее на следы, пан Казимир встал за ствол и совершенно неожиданно заметил на коре овальную вмятину с едва-едва заметным маслянистым блеском. Майор вздрогнул и впился в нее глазами. Вне всякого сомнения, это был след цевья карабина, резко подавшегося назад при отдаче...

* * *

Сеанс в «Модерне» только что начался, из кинобудки, по прихоти строителей повисшей над самым тротуаром, уже доносилось стрекотание аппарата, и через улицу торопливо перебежали опоздавшие. Стоя чуть в стороне от входа, районный проводник ОУН Михайло Лемик то и дело демонстративно поглядывал на часы и крутил головой, отчего его смушковая шапка, надвинутая торчком, описывала полный круг.

Районный был миловиден, розовощек и только обидно маленький рост заставлял его пускаться во все тяжкие, стараясь как-то затушевать этот природный недостаток. Однако пока радикально помогали только башмаки на двойной подметке да шапка, нарочито сдвигаемая на лоб. Кроме того, сохранять душевное равновесие помогал Лемик его давний кумир, фашистский диктатор Бенито Муссолини. По крайней мере, видя его в кинохронике или на иллюстрациях «Экспресса», районный испытывал подспудное чувство удовлетворения.

Дождавшись наконец, когда из новой украинской гимназии, здание которой было через дом от «Модерна», начали выходить ученики, Лемик притворно вздохнул и не спеша пошел навстречу выбегавшим на улицу школярам.

Районный прошел уже почти полквартила, когда его догнал Тарас Пилюк, учившийся в последнем выпускном классе. Высокий, по-юношески нескладный Пилюк постоянно сутулился, отчего его голова приходилась вровень с шапкой, тянувшегося в струнку Лемика. И то, что здоровило Пилюк не казался выше, наполняло душу районного некоторой доброжелательностью.

Проходя мимо витрины, Лемик покосился на стекло, еще раз уверился по отражению, что сегодня Пилюк тоже идет с ним вровень, и негромко спросил.

– Ну як, сколько наших адгерений¹¹ в гимназии?

– В тих, що я певен, вже дев'ять... Файни хлопці, друже районний.

¹¹ Адгеренты – сторонники.

– Дуже добре... Але не забувай – дискреція¹², дискреція и ще раз дискреція... Питання є?

– Е... Про Україну без контингентив. Кажуть, цього не може бути.

– Так, запам'ятавуй... Держава може мати багато своїх прибутків, зовсім не чипая селянина. Скажимо нефть, уголь та все таке. Основне завдання виховати сознательного, культурного хазяїна-українця на європейський взирець. Ты пам'ятаеш, друже Кобза, як вимальовує наше майбутнє «Сильський Календар»?

– А як же! – Пилюк енергично затряс головою. – «Просвіта», коператива, наша українська церква, впорядковане господарство...

– О, саме воно! – Лемик многозначительно поднял палец. – А тепер до дила, друже Кобза. – Ты з дому ехав, як я казав?

– Саме так, друже провідник.

– Добре... – Лемик осмотрелся и потянул Пилюка в ближайшую подворотню. – А ну дивись... Знаєш його?

Пилюк нагнулся, чтобы получше рассмотреть фотографию, которую Лемик не выпускал из рук.

– Та вроде бы...

– Мусив бачити. Он здешний. Имя Богдан Кальчук. Запам'ятай.

– Запам'ятав. – Пилюк выпрямился. – А навіщо?

– Завтра зайдеш до полиции и, як добропорядний громадянин, Пилюк Тарас, скажеш, що бачив його в лиси в то утро, як було вбито польского офицера.

– Як я его мог видеть?.. Когда? – недоуменно спросил Пилюк.

– Як з дому вертався, просто на дороге, ну рядом с лесничувкой.

– Але ж...

– Ты що, недовиру проводу виказуєшь? – Лемик спрятал фото.

– Не, я просто хотив сказати, що я ж не один був. Со мной дядька за фурмана ехал...

– А-а-а... То друге дило. Не бойся. Дядька, твой теж пидтвердить. И кинь сумнив, я розумею, ти хочеш сказати, що той Богдан теж українець. Просто тут кожен виконує свою частку дила. Уразумив?

– Зрозумив... Але ж...

– Знову ти... – Лемик нахмурился. – В чим справа?

– Так, друже провідник, фото воно ж сире, а мене про колер питають.

– Верне зауваження... Добре маракуєшь...

Скрывая досаду за свой промах, Лемик поморщился и опять достал фотографию. На ней Кальчук, держа в руках ружье с оптическим прицелом, улыбался прямо в аппарат, горделиво поставив ногу на тушу только что убитого кабана.

– Дивись. Оце все сире, а от шарф такой себе яскраво-синий. А у гвера на оптичному прицили ободочки таки жовтави, латунні. А все инше как бы-то і не пам'ятаєшь. Так даже краще.

Последнее замечание позволило Лемику показать свое превосходство, и он благожелательно улыбнулся.

– Ну як, дошло?

– Дийшло... Про гвинтивку теж казати?

– Звичайно.

– Все зрозумив, друже провідник...

¹² Дискреція – секретність.

* * *

Пан Казимир вошел в кабинет Зарембо и прямо с порога начал:

– Витаю пана... Мне передали, у вас есть интересные новости?

– Витаю, витаю... – На этот раз Зарембо вышел из-за стола и самолично усадил Дембицкого в кресло. – Да, действительно есть новости для пана литератора из Варшавы. Ведь пан литератор, не так ли?

– Конечно... – со значением ответил пан Казимир.

Приглашение застало его врасплох, но поскольку оно никак не противоречило планам, майор прибыл немедленно. Теперь, угнездившись в кресле, пан Казимир посмотрел на стол и только сейчас заметил хрустальную вазу с яблоками и мандаринами. Да, прошлый раз ничего подобного на столе не было...

Перехватив взгляд майора, Зарембо придвинул вазу с фруктами ближе и радушно предложил:

– Прошу вас... Угощайтесь!

Не чинясь, Дембицкий взял мандарин, осторожно снял мягкую, брызжущую душистым соком цедру, бросил очистки в пепельницу и, встав с кресла, отошел к окну. Отсюда, с высоты третьего этажа были видны непропорционально короткие фигуры пешеходов, сновавших по грязному зимнему тротуару, разномасть домов на противоположной стороне и снежно-белый квадрат солярия за прямым бетонным парапетом, среди красно-бурых черепичных кровель.

Пан Казимир положил в рот сочную дольку мандарина и посмотрел на хозяина кабинета.

– Ну, так что там у вас для пана литератора?

Зарембо вернулся за стол и сразу перешел на серьезный тон.

– Мы получили сведения, что в тот день в лесу был и некто Богдан Кальчук...

– Ну и что же тут необычного? – Майор отломил себе еще дольку.

– Ничего, если не считать, что вооружен он был карабином с оптическим прицелом.

– Ну-ну! – пан Казимир оживился.

– Вот и я так сказал себе... – Зарембо взял из вазы яблоко. – Спешить мы не стали, тем более что этот Кальчук и так попадал в зону проверки как знакомый Гжельского, правда, не напрямую...

– То есть?

– Как знакомый их общей знакомой пани Яновской, на которую и он, и пан Гжельский, по общему убеждению, имели виды.

– Так что... Выходит банальный треугольник?

– Ну, если берутся за карабин, не совсем банальный...

– А что этот пан Кальчук, этакий местный Отелло?

– Я бы не сказал, что он мавр, но, скажем, излишне нервный.

– И что... есть сложности? – удивился пан Казимир.

– Есть... Но как бы по вашей части...

– Слушаю.

– До некоторой степени я их вижу в том, что Гжельский поляк, а Кальчук украинец...

К тому же сообщил нам о Кальчуке, причем добровольно, заметьте, выпускник украинской гимназии Тарас Пилюк...

– Ерунда, не усложняйте до такой степени... Как я понял, при таком раскладе никакой политикой и не пахнет... Осмелюсь дать совет. Я бы, на вашем месте, приказал арестовать этого типа и как следует допросить.

– Приказ уже отдан.

– Прекрасно. Скажу вам откровенно, пан Зарембо, у меня есть чем заняться, и чем скорей будет закончено это щекотливое дело, тем лучше.

Пан Казимир и Зарембо, весьма довольные друг другом, переглянулись, и Зарембо сообщил:

– Основная информация для вас подготовлена, и как только будет завершено дело Гжельского, я думаю, мы закончим.

– Чудесно! – пан Казимир потянулся за вторым мандарином. – Для моего доклада может иметь значение всего одна деталь. Прослеживается ли связь этих Пилюка и Кальчука с ОУН.

– Следователь Вальчак именно так и ориентирован... – На столе зазвонил телефон, и, не договорив, Зарембо взял трубку – Пардон... Слушаю, Зарембо...

На расстоянии пан Казимир не мог слышать доклада, но по тому, как внезапно исказилось лицо шефа полиции, понял, что произошло нечто экстраординарное. Дослушав сообщение, шеф «коменды» беззвучно положил трубку на рычаг, потом поднял глаза на майора и, увидев, что пан Казимир ждет, прерывисто сказал:

– Кальчук оказал сопротивление... Ранил полицейского. При попытке ареста застрелился...

– Ну что ж, это ваши заботы... – Пан Казимир в упор посмотрел на Зарембо. – Мне кажется, сейчас я вам буду только мешать.

– Да, да... – Зарембо не смог скрыть растерянности. – Не смею задерживать... Доктор Закржевский доложит все подробности...

– Не спешите. Если проскользнет нечто заслуживающее внимания, отметим в докладе. В любом случае это лишь эпизод...

Последняя фраза далась пану Казимиру с трудом. Он едва сдержал себя, чтобы не сорваться и не сказать прямо в кабинете всего, что он сейчас думал о пане Зарембо и его полиции. Позже, когда майор сбежал по лестнице злоба, душившая его, не позволяла взвесить все «за» и «против» создавшегося положения. И только выскочив на улицу, где прямо против подъезда уже стоял личный фаэтон пана Зарембо, запряженный парой вороных, перебиравших от нетерпения ногами, майор яростным шепотом выпалил прямо в лошадиную морду.

– Кретин... Фрукт!.. Полицейская харя!

Лошадь согласно взмахнула головой и пан Казимир, неожиданно для самого себя, рассмеялся. В конечном счете, все складывалось не так уж плохо. По крайней мере, за всей совокупностью незначительных улик уже обозначился круг необходимого поиска, в котором так неожиданно всплывшее имя Лидии Яновской пока стояло особняком. В любом случае сеть розыска следовало расширить, и, не откладывая дела в долгий ящик, пан Казимир пустился на поиски нужной ему забегаловки.

* * *

Давняя городская застройка, жавшаяся у подошвы замкового холма, заслужила у местных жителей прозвище «Шанхай». Пан Казимир знал об этом и, тем не менее, имел возможность убедиться в его точности, так как ему пришлось изрядно попетлять путаными улочками, прежде чем он отыскал нужное место.

Пивная «У Менделя» представляла собой довольно невзрачное деревянное строение, одной стороной выпиравшее из общего ряда. Место пивной, с точки зрения коммерции, также оставляло желать лучшего, однако, судя по толпившемуся кругом народу, недостатка в посетителях тут не было.

Забираясь в «Шанхай», пан Казимир даже не подозревал, что очутится в столь людном месте, и сейчас, стоя в дверях и разглядывая битком набитое помещение, колебался. Майор уже собрался уйти, когда его остановил веселый голос, долетевший из-за густого дымного облака:

– Куда же вы, пане?.. Вы же пришли за пивом!

Пан Казимир обернулся и увидел, что толпа, густо осаждавшая стойку, сама собой раздвинулась, а появившийся в просвете толстый бармен, размахивая пивной кружкой, снова позвал:

– Ну что же вы встали? Идите сюда! Берите ваше пиво и не обращайтесь на публику! Публика подождет! Она понимает, что Мендель должен иметь свою маленькую коммерцию!

В этих веселых выкриках было что-то такое, что заставляло собравшихся громко смеяться, и пан Казимир сам не заметил, как очутился возле стойки с полной кружкой в руках.

Выждав пару минут, пока общее внимание не переключилось на кого-то другого, пан Казимир ухватил бармена за рукав и бесцеремонно подтянул поближе.

– Пан корчмарь... Я имею один вопрос...

Мендель навалился пузом на стойку, и прямо перед собой пан Казимир увидел карие глаза с пляшущими в них смешинками.

– Не известен ли пану некий Розенблюм? – быстро спросил майор, наклоняясь к толстому, густо пахнущему пивом, уху.

– Который, Исаак или Иаков? – улыбка на лице Менделя странно застыла.

– Нет, мне нужен Абрам.

– Тогда пройдите сюда... – шепотом отозвался бармен и громко крикнул: – Шимеле!..

Иди замени меня!

Мендель приоткрыл боковую дверь и протолкнул пана Казимира в маленькую темноватую комнатку, сплошь заставленную бутылками. Майор огляделся по сторонам и, усевшись на какой-то подозрительно грязный чурбан, небрежно бросил:

– Можешь называть меня пан Казимир.

– Эх-хе-хе... – грустно усмехнулся Мендель. – Разве я думал, слушая в Одессе господина полицмейстера, что это так надолго...

– Да, сначала был полицмейстер. Но полковник Криштофович – это уже контрразведка, не так ли? – уточнил пан Казимир.

– А что? – напускное равнодушие сразу слетело с Менделя. – Дело настолько серьезное?

– Да нет, пока что я здесь в связи с убийством Гжельского.

– То-то я уже третий день слушаю сплетни про поручика и пана Яновскую...

– Третий?.. – Пан Казимир внимательно посмотрел на Менделя. – Это уже интересно...

Так вот, мне нужно знать все об отношениях Гжельского, Кальчука и Яновской. Кроме того, некий школяр... Тарас Пилюк.

– Все понял. – Мендель машинально вытер тряпкой руки. – Время?

– Как можно скорее. – Майор поднялся. – Я сам приду сюда. А теперь проводи меня. Здесь, насколько я знаю, должен быть другой выход...

* * *

В это утро пан Казимир долго не выходил из своего номера. Лежа в халате на низенькой оттоманке, он предавался размышлениям. Казалось, дело Гжельского можно было считать законченным, но кое-какие сомнения одолевали майора. Прежде всего, очень шатко в его глазах выглядела концепция с классическим треугольником Гжельский – Яновская – Кальчук. Мало того, что она выплыла словно по заказу только в самый последний момент, но и все другие детали говорили о заранее обдуманном намерении.

Скорее пан Казимир мог поверить в сумасшествие Кальчука. И если бы сейчас майору представили неопровержимые доказательства этому, пан Казимир принял бы их как должное. Принял бы, но не поверил. С самого начала майору не давала покоя одна мысль. Дело

в том, что следствие, в тщательности которого майор не сомневался, неизменно наткнулось на преграду, как будто, кто-то специально обрывал концы, подсовывая взамен красивую, во всех отношениях эффектную версию. И хотя пан Казимир внутренне был уже почти убежден в своей правоте, все-таки ему не хватало маленьких, но недостающих деталей. Сейчас майор решал, где их или найти, или ясно доказать самому себе, что таких деталей вообще нет...

От этих невеселых размышлений пана Казимира оторвал дребезжащий телефонный звонок. Раздраженно запахнув халат, майор поднялся и взял трубку.

– Пан Дембицкий? Пшепрашам... – Голос портье был вкрадчиво мягок. – Пана хочет видеть доктор Закржевский...

– Хорошо. Пусть поднимается.

Пан Казимир удивленно уставился на потрескивающую мембрану, как будто неумный доктор собирался вылезти именно оттуда. Не иначе как Зарембо, опростоволосившийся при аресте Кальчука, выдумал новый трюк. Майор сердито брякнул трубку на рычаг и начал оглядываться по сторонам, прикидывая, что бы ему надеть.

Однако времени на переодевание доктор Закржевский пану Казимиру не дал. Буквально ворвавшись в номер и ничуть не шокированный халатом майора, он прямо от двери выпалил:

– Пан Дембицкий, я заявляю официально, что с версией пана Зарембо не согласен!

Пан Казимир только сейчас услышал о какой-то особой версии и уже собрался было поставить доктора на место, но вовремя вспомнил про свой халат и принялся молча рассматривать Закржевского, сбросившего пальто вниз и теперь красовавшегося в наряде а-ля «спорт зимний». Пауза становилась неприличной, и майор, все еще поджимая губы, сказал:

– Прошу пана доктора высказаться яснее...

– Пан Зарембо считает, что Кальчук был психически ненормален и потому убил Гжельского и застрелился сам...

Эта версия была как раз тем, о чем только что размышлял пан Казимир, и потому он равнодушно осведомился:

– А разве следствие такой вывод опровергает?

– Нет. – Закржевский энергично мотнул головой. – Не опровергает. Я сам беседовал с врачом Кальчука. Но для меня лично психическое расстройство остается под вопросом. Я убежден, что это дело политическое, а не уголовное, и эта украинская идея...

– Меньше эмоций. – Пан Казимир жестом остановил доктора. – Факты?

– Факты? – Закржевский подозрительно замялся. – Мне кажется, у меня есть факты...

– Ну-ну... – Пан Казимир плотнее запахнул халат. – Я слушаю.

– Когда я говорил с Вальчаком, он сказал, что полицейским показалось, будто отстреливались сразу двое. Одновременные выстрелы, понимаете?

– Пан доктор, это всего лишь предположение...

– Конечно. Но, по-моему, в Кальчука стрелял другой человек.

Мысль, высказанная Закржевским, настолько отвечала подспудным желаниям майора, что он не выдержал и переспросил:

– Это сомнение или уверенность?

– Я берусь доказать, что выстрел в голову Кальчука был сделан с некоторого расстояния. И еще. – Закржевский перевел дух. – Чтобы держать пистолет на линии выстрела, ему нужно было вывернуть кисть. А это для таких ситуаций неестественно.

– Так... – Пан Казимир задумался. – И что, пан доктор кому-то говорил об этом?

– Только пану Зарембо!

– Ну и?..

– Он меня просто высмеял!

– Понятно... – Пан Казимир было отвернулся, но тут ему в голову пришла прекрасная мысль и он снова посмотрел на Закржевского. – Собственно говоря, я должен был об этом молчать, но раз пан доктор сам во всем разобрался, я скажу... Кальчук был застрелен нами!

– Как «нами»? – опешил Закржевский. – А как же суд?

– Который бы оставил убийцу в живых?

– Как же так? – окончательно растерялся Закржевский. – Суд бы все доказал... Это нужно...

– Не нужно! – резко оборвал его майор. – Пану доктору известна суть моего доклада в Варшаву. Сейчас главное – сплоченность, и ради этого мы не остановимся ни перед чем! Эти прохвосты навязывали нам процесс. Процесса не будет! Теперь все убеждены, что убийца сумасшедший, а те, кто его послал, поймут – время шуток прошло!

Пан Казимир импровизировал так убежденно, что порой и сам начинал верить в сказанное, не говоря уже о Закржевском, который во все глаза смотрел на преобразившегося майора.

– Но та же обстановка, а она, я подчеркиваю, жесткая, обязывает меня предупредить пана доктора, что за сохранение тайны, ставшей ему известной по долгу службы, он с этой минуты отвечает головой!

Пан Казимир неожиданно ткнул в Закржевского пальцем.

– Пан понял меня?

– Так точно! – Каблуки зимних окованных ботинок Закржевского оглушительно шелкнули. – Як бога кохам, пан может рассчитывать на меня!

– Не я! – Майор резко, по-строевому, вскинул голову. – Это Польша рассчитывает на пана Закржевского!

* * *

На этот раз пан Казимир нисколько не плутал в старом городе и, проскочив почти незамеченным по закоулкам «Шанхая», оказался в камерке позади пивной. Из общего зала доносился шум, и майор начал было раздумывать, как ему вызвать хозяина, но Мендель сам заглянул во внутреннюю дверь, тут же исчез и, возвратившись, поставил майору стул, после чего вопросительно посмотрел на пана Казимира. Майор кивнул, и Мендель, усевшись на чурбачке, наконец-то заговорил:

– Я имею что сказать, но должен предупредить пана, одно дело – допрос с пристрастием и совсем другое – беседа за кружкой пива с друзьями... Надеюсь, пан Казимир понимает меня?

– Разумеется. Точности меньше, зато информации больше.

– Мне рассказывать все или сразу выводы? – осторожно поинтересовался Мендель.

– Пан Мендель, я же читал вашу аттестацию... – улыбнулся пан Казимир.

– Тогда сразу выводы, – вздохнул Мендель.

– Итак... У нас треугольник. – подсказал пан Казимир.

– И вовсе нет... Посудите сами, Яновская – зубной врач, почти столичная штучка.

– Почему «почти»?

– Она же сюда из Варшавы перебралась...

– Знаю. Дальше.

– Сам Кальчук был, конечно, с тараканом в голове, но заявлял твердо, что женится только на местной. Замечу, правда, на приеме у пани докторши бывал. Что же касается пана поручика, то, смею заверить, он серьезных намерений не имел.

– Так что, треугольником и не пахнет?

– Какое там! – пренебрежительно махнул рукой Мендель и тут же хитро сощурился. – Но вот вы, пан Казимир, имели счастье упомянуть такого себе Пилюка Тараса, так это, я вам доложу, штучка...

– Я догадываюсь... – Майор напрягся. – Националист?

– И таки да, и не просто да...

Это была удача! Наконец-то такая долгожданная зацепочка попала к нему в руки, и если соединить информацию, полученную от Менделя, с тем, что так взволнованно утверждал Закржевский, то выходило совсем интересно. Да, прав был полковник Янушевский – теперь майору пришло время оставить позицию стороннего наблюдателя и, проверяя в последний раз самого себя, пан Казимир переспросил:

– Что, неужто ОУН?

– Здесь, конечно, не суд, и я не прокурор... Но тут, похоже, обрисовался с ним рядом такой себе Лемик Михайло. Приказчик в магазине Кронштейна. Так мне про него такое шепнули, что, я вам скажу, это просто ой-ей-ей! Я, конечно, не смею советовать, но на месте пана я очень бы поинтересовался паном приказчиком...

– Понял, – кивнул пан Казимир и, сделав короткую паузу, спросил: – А у нашей пани Яновской никаких связей с националистами?

– Чего не знаю, того не знаю, но одна зацепочка есть. Пани Яновская – завсегдатай украинского клуба. Есть тут у нас такой... «Ридня хата»...

К удивлению майора, информация оказалась более чем исчерпывающая, а вот насчет украинского клуба, находившегося в самом центре, у пана Казимира мелькнула одна мысль, и он решил здесь не задерживаться.

– Хорошо... Значит, так, – майор хлопнул себя по колену. – К Лемику не соваться, это я сам, а вот докторшу, на всякий случай, попасть надо... У тебя подход к ней найдется? Какой-нибудь Шмальц-Пфальц, фактор по женскому товару?

– Об чем разговор? Все найдется...

– Ну и отлично.

Пан Казимир поднялся, бросил испытывающий взгляд на Менделя, подумал, как же грамотно неизвестный ему одесский полковник Криштофович умел подбирать кадры, и, кивнув на прощанье хозяину, шагнул к двери...

* * *

Понятие «центр» оказалось весьма условным, и пока майор смог добраться по узенькой заснеженной улице до украинского клуба «Ридня хата», он не раз позволил себе чертыхнуться. Поминутно сворачивавший каблучки и щиколотки на весенней наледи нечищеного тротуара, пан Казимир наконец вздохнул с облегчением, разглядев слабоосвещенное крыльцо.

Этот двухподъездный дом вот уже несколько лет считался в городе культурным центром, так как второй вход принадлежал фольклорному украинскому театру, где дважды в неделю шли «выставки».

Последнее время у пана Казимира бывали моменты, когда у него возникало чувство непонятно откуда возникавшей уверенности, и тогда майор всегда действовал, руководствуясь лишь своим вдохновением. Объяснить это было трудно, но пан Казимир не помнил случая, чтобы в такие минуты его подводила интуиция.

Вот и сейчас, воспользовавшись именно таким моментом, пан Казимир легко взбежал по ступенькам, распахнул дверь и очутился в небольшом вестибюле, где сразу перехватил буфетчика, как раз поднимавшегося по лестнице на второй этаж.

– А что, любезный, пани Яновская наверху?

– Так, пан... – Человек угодливо склонил набриолиненный пробор и, видя, что гость не спешит раздеваться, спросил: – Позвать?

– Позови...

Буфетчик убежал, и майор, оставшись внизу, начал с интересом осматриваться. Обстановка была, в общем-то, небогатая, как и во всех клубах такого пошиба. Осмотревшись, пан Казимир хотел присесть на узкий диванчик, но тут по лестнице застучали легкие каблучки и на площадке появилась стройная невысокая девушка, удивительно похожая на киноактрису Франческу Гааль.

– Панна Лидия Яновская?.. – Майор вдруг подумал, что треугольник, возможно, все-таки имел место. – Позвольте представиться, Казимир Дембицкий. Литератор. Из Варшавы.

– Наслышана... – Яновская недовольно нахмурилась. – И как вам местная женщина-вамп?

Пан Казимир обезоруживающе-смущенно улыбнулся.

– Ради бога, простите мне мою бесцеремонность... Просто я подумал, если вы решите послать меня к черту, способ знакомства значения не имеет.

– Пожалуй... Но, как я понимаю, до пана дошли кое-какие слухи?

– В некотором роде...

– Ну что ж... По крайней мере откровенно... – взгляд пани Яновской несколько потеплел. – И что же вы хотите, пан литератор?

– Ну, для начала я хотел бы знать... Вы меня сразу прогоните или немного подождете?

– Подожду... Но учтите, если речь пойдет о Ежи или Богдане, они мне только знакомые, все слухи обо мне – чепуха, и вообще, об этом я не намерена говорить даже с паном литератором.

– Ну, помилуйте, какой я литератор! Так... – Пану Казимиру никак не удавалось взять нужный тон. – Признаться, у меня совсем другие намерения...

– Какие же?

– Ну, если позволите, я хотел бы проводить вас домой...

– Меня? – Лидия понимающе улыбнулась. – Решили идти в обход? Ну что ж... Подождите. Если можно, на улице...

– Хорошо! – немедленно согласился пан Казимир. – Я буду ждать, как гимназист...

Майору недолго пришлось топтаться на тротуаре. По крайней мере, гораздо меньше, чем он предполагал. Лидия вышла на крыльцо и, еще спускаясь по ступенькам, безапелляционно потребовала:

– Возьмите меня под руку. Здесь скользко, и я боюсь, что вы со своими американскими манерами не догадаетесь.

– Как можно, панна Лидия? – пан Казимир ловко поддержал ее за локоток. – Вы не знаете варшавян.

– Ну откуда уж мне? Правда, я пару лет как окончила Варшавскую академию, но припоминаю, что даже на Воле и Охоте таких не встречала.

– Естественно! Я живу на Мокотуве.

– Ну теперь ясно, такие неотесанные типы могут жить только там.

Так, перешучиваясь, они вышли на Ягеллонскую, и пан Казимир рискнул.

– А скажите... Этот украинский клуб, неплох?

– И не спрашивайте! – Лидия с горечью рассмеялась. – А что мне делать? Пан Шеншевский и иже с ним сядут в свои спортивные аэропланы и полетят лечиться в Варшаву... «Респект»... А я держу зубной кабинет и мне тоже нужна клиентура, хоть это и грустная провинциальная проза...

Лидия свернула с Ягеллонской и, увлекая за собой пана Казимира, прошла через темноватый въезд к двери одноэтажного дома.

– Ну вот я и пришла. Спасибо за приятный вечер... – Лидия поднялась на ступеньки и встала вровень с майором. – А чтоб пан литератор на меня не обиделся, я скажу... Я считала, что беднягу Ежи просто случайно подстрелили охотники, но после перестрелки и гибели

Богдана я вообще ничего понять не могу и только замечаю, как полгорода смотрит на меня перепуганными глазами...

Майор промолчал. Ему вдруг показалось, что за этими словами кроется обиженное и горькое одиночество. Повинуясь этому чувству, пан Казимир нашел руку Лидии и, склоняясь для поцелуя, уловил сквозь вырез перчатки теплый, опьяняющий запах духов...

* * *

Экспресс прибыл на Варшавский-главный в десять тридцать по средневропейскому времени. Переждав поток пассажиров, пан Казимир неторопливо прошел через вокзал и тут же, у бровки тротуара, взял первое попавшееся такси, старенький потрепанный «ситроен».

Сидя вполоборота, шофер выслушал заказ и, опустив флажок, примерно полминуты выль стартером, прежде чем изношенный мотор устойчиво запыхтел. Скрежетнув коробкой передач, «ситроен» выполз из ряда, с шинным гулом пересек брусчатку трамвайной колеи и только после этого влился в общий поток экипажей и авто, кативший по заасфальтированному проезду.

Миновав угол Аллеи Ерозолимске, по Маршалковской таксомотор свернул налево к Саксонскому саду. На плаце Пилсудского возбужденно жестикулировала толпа. Пан Казимир наклонился к окну и, как бы ни к кому не обращаясь, сказал:

– Это что еще за кутерьма?

Вместо ответа шофер притормозил машину и опустил стекло. Сквозь уличный шум до майора долетели выкрики:

– Польша для поляков! Ни гудзика!..

– Ладно, трогай... – Пан Казимир недовольно сморщился.

Заметив его гримасу, шофер вполголоса отозвался:

– Может, ясновельможный пан думают иначе, но только лучше бы мы пустили русских помочь чехам. Может, там сейчас и не кричали бы про коридор и Поморье...

– Польша достаточно сильна, – сухо отозвался пан Казимир.

– Ну да, мы же сильные, сплоченные, готовые...

Шофер замолчал, а пан Казимир повернулся к окну, стараясь через улицу Оссолинских еще раз увидеть площадь. Однако «ситроен» резво помчал дальше, и вместо демонстрантов майор увидел витрину автосалона, в самом углу которой красовался маленький «фиат польский». С непроницаемым лицом пан Казимир откинулся на подушки и уже не раскрывал рта, пока по Медовой и Длугой шофер огибал Старе Място.

На бульжнике Костьольной дряхлый «ситроен» так затрясло, что майор вздохнул с облегчением, когда возле дома № 11 автомобиль остановился. Пан Казимир расплатился с шофером, вылез из машины и, сделав вид, что читает вывеску дантиста, постоял возле наклонного столбика, ограждавшего угол проезда. Затем пан Казимир прошел через браму¹³ и еще немного подождал, разглядывая двор, где посреди грязной клумбы торчала водоразборная колонка с длинной выгнутой ручкой и дальше, за вторым проездом, возле каретного сарая, кучер мыл экипаж, макая тряпку в ведро.

Наконец пан Казимир взглянул на часы и начал подниматься по белой мраморной лестнице старого парадного входа, на которой еще кое-где уцелели шишечки крепления ковра. Поднявшись на второй этаж, майор скользнул взглядом по табличке и, нажав ручку в виде птичьей лапы, без стука отворил дверь.

В гостиной Янушевский уже ждал пана Казимира. Коротко поприветствовав майора и отойдя от окна, через которое он разглядывал улицу, полковник облегченно вздохнул:

¹³ Брама – проезд во двор через здание.

– Ну, наконец-то... – и сразу перешел к делу: – Я прочел вашу информацию и согласен что здесь скорее всего поработали националисты. Правда, не ясны мотивы.

– Тут кое-что обозначилось... Перед самым моим отъездом сюда следователь Вальчак обнаружил, что опечатанную квартиру Гжельского кто-то тайком обыскивал. Но, я надеюсь, у вас тоже что-то есть, иначе зачем бы вы вызывали меня в Варшаву.

– Интересно... Но сейчас все это отходит на второй план.

– Что? Разве дело Гжельского прекращается?

– Вообще-то, нет, но разве пана майора не удивляет, что встреча назначена здесь на частной квартире, а не у меня в кабинете?

– Думаю, на это есть причины...

По правде, этот факт действительно сильно удивил пана Казимира, но он, как всегда, проявил сдержанность.

– Правильно думаете... Мы с вами, пан майор, старые комбатанты...

– Осмелюсь заметить, пан полковник никогда мне такого не говорил, а это значит...

– Да, да, да! – перебил Янушевский. – Обстановка резко сменилась. Больше, она значительно ухудшилась, и теперь у вас будет еще и другое задание. Пожалуй, более важное. На креках нужно развернуть агентурную сеть. Причем тайно. Там, в случае войны, могут произойти любые неожиданности... Впрочем, вы все это знаете не хуже меня.

– А как с объектом?

– Там будет ваша главная база.

– Понятно... Значит, надо менять прикрытие?

– Некогда. Как были «литератором», так и останетесь.

– Ну если так, – усмехается пан Казимир, – то мне тогда придется поухаживать за пани Яновской. Это как раз и разъяснит все всем и сразу...

– Да хоть влюбляйтесь! – Янушевский нервно рассмеялся.

– Так, пошутили... – Пан Казимир помолчал. – Кто вместо Гжельского?

– Поручник Вукс. Он и инженер Брониславский ждут нас тут в библиотеке. Я решил, что нам удобнее обсудить все вместе.

– Как, и Брониславский здесь?

Майор прекрасно знал, что инженер днюет и ночует на объекте, и его появление в Варшаве сразу насторожило пана Казимира. Полковник Янушевский понял его и поспешил успокоить:

– Нет, нет, ничего такого. Брониславский просто контролирует изготовление деталей у «Герляха» и «Лильпопа». Пойдемте, я вас познакомлю...

Инженер Брониславский оказался высоким худощавым мужчиной с несколько удлиненным лицом. Возраст его на глаз пан Казимир определить затруднялся. Зато поручик Вукс выглядел именно так, как представил его себе майор. Стройный широкоплечий молодой офицер в щегольском мундире. Но чуть жестковатые волевые черты и взгляд, исподволь брошенный на майора, кое-что обещали.

После обоюдного представления майор первым делом сказал Брониславскому:

– Пан инженер, признаться, я просто горю желанием наконец-то посмотреть на эти «живые торпеды». Это вы их придумали?

– Нет, – Брониславский покачал головой. – Я сам столкнулся с ними уже в готовом виде.

– Пан инженер видел управляемые торпеды?

Брониславский внимательно посмотрел на пана Казимира и обстоятельно пояснил:

– Я не мог их видеть... Они взорвались 1 ноября 1918 года в австрийской гавани Пола. Я был младшим офицером на линкоре «Вирибус Унитис». В тот день итальянцы подорвали его такими торпедами...

* * *

Пан Казимир проснулся от удивительной тишины. Он оторвал голову от подушки и увидел мягкий стул с плетеной кожаной спинкой, на которую кто-то накинул отутюженный майорский мундир. Вчера вечером, когда пан Казимир по прибытии на объект устраивался с ночлегом, мундира на стуле не было. Майор с хрустом потянулся, рывком поднялся с кровати и отправился в ванную.

Покончив с туалетом, пан Казимир не спеша оделся и подошел к овальному зеркалу, вделанному в желтый полированный шкаф. Из зеркала на него глянул строгий офицер, затянутый в ставший чуть тесноватым мундир. Майор принялся внимательно себя рассматривать, но от этого занятия его отвлек осторожный стук в дверь. Решив, что это утренний кофе, не отвлекаясь от зеркала, пан Казимир сказал:

– Да, да!

Дверь открылась, и, к своему удивлению, пан Казимир увидел инженера Брониславского.

– Прошу меня извинить, я подумал...

Брониславский замялся, но пан Казимир уже догадался в чем дело и добродушно заметил:

– Не обращайтесь внимания. Не такая уж я кокетка. Просто мундир стал тесен, а выглядеть пугалом желания еще нет.

Больше всего Брониславский, заявившись в такую рань, боялся показаться бестактным, но встретив столь дружеский прием, уже без всяких церемоний предложил:

– Если хотите, мы можем посмотреть самолет прямо сейчас, без помех...

– Самолет? – Майор удивленно посмотрел на инженера. – А я думал оно плавает...

– Вы не ошиблись, – Брониславский улыбнулся. – Оно и плавает, и летает. Пойдемте, я все покажу...

Ангар, в котором размещался самолет, был временным сооружением. Строители просто перекрыли легкой крышей два рядом стоящих дома, а переднюю стену из сборных конструкций цехового остекления отодвинули немного вперед, в результате чего сборочная площадка походила на толстую букву «Т».

Днем свет проникал сюда через сплошную стеклянную стену, но сейчас за окнами еще плыл утренний сумрак, и поэтому Брониславский включил электричество. По стенам и потолку враз вспыхнули десятки плафонов, осветив летающую лодку, опирающуюся своим сверкающим брюхом на специальные тележки, установленные на рельсах.

Пан Казимир и Брониславский медленно обошли самолет. Перед ними был полутораплан с очень коротким нижним крылом, на концах которого крепились опорные поплавки. Непомерно раздутое днище, как у всякой «гидры», свисало далеко вниз и по форме напоминало глиссер. Моторы, установленные на верхней плоскости, прятались в обтекаемые гондолы, и их трехлопастные винты почти касались крыши ангара.

Задрав голову вверх, пан Казимир восторженно рассматривал самолет. Брониславский тут же заметил восхищение майора и увлеченно начал излагать свои взгляды:

– Видите ли, пан, есть три способа доставки торпеды на позицию. Надводный или подводный корабль, самолет-торпедоносец и управляемая торпеда. У каждого способа свои достоинства и свои недостатки. Есть попытки объединения этих систем. Например, большая подводная лодка «Сюркуф» имеет на борту самолет. Но это не то... Я предлагаю другое. Малая подводная лодка и торпеда в едином блоке. А в качестве носителя и разведчика – вот этот гидросамолет. Он выслеживает противника, садится на воду, выпускает лодку и во время атаки отвлекает вражескую команду... Ну как?

– Да как вам сказать... Я же не моряк... – Пан Казимир заглянул под днище. – А где же ваша лодка будет висеть?

– А она там. – Брониславский стукнул кулаком по редану. – Видите, вот это – стык специального люка. После посадки на воду его можно открыть.

– Значит, лодка там, в середине?

– Конечно! Прошу за мной.

С другой стороны к фюзеляжу была приставлена стремянка, и по ней Брониславский, а за ним и пан Казимир забрались в пилотскую кабину. Спустившись отсюда по лазу вслед за инженером в нижний отсек, пан Казимир увидел миниатюрную подводную лодку, которая втиснулась в фюзеляж, как папироса в машинку.

– Но позвольте, пан инженер... – Майор замялся. – У вашей лодки практически нет подводного хода... От силы час или два...

– А вы неплохо осведомлены. – Брониславский с интересом посмотрел на майора. – Охотно поясню. Видите ли, еще 1904 году в устье Амура действовала «Кета», полуподводная лодка лейтенанта Яновича. У нее был бензиновый двигатель, бравший воздух через люки. Но ведь люк можно заменить трубой, соединенной с перископом. И тогда лодка сможет плыть на том же двигателе и на перископной глубине, ну а запас хода на электромоторе у нее действительно чуть больше часа...

– Вот как... – Майор задумался. – Скажу откровенно, тут я полный профан. А вот по моей части возник вопрос... Скажите, пан инженер, будь здесь, на объекте, шпион, он многое бы узнал?

– Шпион? – недоуменно переспросил Брониславский. – Ах да... Конечно, саму идею... Потом элементы конструкции, мы ж передельываем самолет...

– А лодка?

– Самой лодки здесь нет. То, что вы видели, подгоночный макет. Настоящую лодку должны доставить на днях. Кстати, это и было причиной моей поездки в Варшаву. Что же касается кое-каких идей... – Брониславский весело постучал себе по лбу. – То они только здесь и нигде больше!

Закончив осмотр, Брониславский и пан Казимир через небольшой тамбур вышли наружу и остановились на берегу большого водоема, начинавшегося почти сразу от стены ангара. Выходившие из здания рельсы наклонно спускались прямо в воду. Уже рассветало, и было по-утреннему свежо.

– Слип, – показывая на рельсы, пояснил Брониславский. – И сразу за ним наша водная взлетная полоса.

– Ясно... – протянул пан Казимир и задумчиво уставился на свинцово-серую дорожку плеса...

* * *

С обратной стороны воротной башни резко выделялся желтым цветом нового кирпича свежевыложенный контрфорс. Видимо у здешнего общества любителей старины появились деньги, и они первым делом укрепили въезд. Пан Казимир окинул взглядом уныло-пустой треугольник замкового двора, расстегнул пуговицы зимнего пальто, ставшего в эти предвесенние дни непривычно тяжелым и, обогнув контрфорс, нырнул в арочную дверцу у подножия башни.

Крутые кирпичные ступени винтовой лестницы были страшно неудобны, и майору приходилось подниматься боком, прижимаясь к внешней стене. Кроме того, по мере подъема сквозняки, гулявшие в башне, превратились чуть ли не в ветер, и пан Казимир, спасаясь от холода, поспешил опять застегнуть пальто.

Выбравшись наконец на самый верх, пан Казимир подошел к стрельчатому окну и принялся с интересом рассматривать открывшуюся перед ним панораму. Сейчас, оглядывая с высоты птичьего полета лежащий внизу город, майор поджидал Мышлаевского и заодно обдумывал, как лучше выполнить задание Янушевского и благополучно закончить дело Гжельского.

Эти размышления были прерваны появлением тяжело отдувавшегося Мышлаевского. Увидев пана Казимира, поручик не без сарказма спросил:

– Пан майор считает, что я должен назвать пароль?

– Нет. Сердитое лицо пана поручника отлично заменяет любые пароли, – подыграл ему пан Казимир, но Мышлаевский не принял шутки.

– Я не совсем понимаю, пан майор, зачем было лезть сюда, когда есть квартиры, отели...

– И автомобили... – поддразнил его пан Казимир.

– К тому же... – Мышлаевский никак не желал уgomониться. – Весь город и так знает, что пан майор снял себе кавалерку, а тут изволь лезть черт-те куда...

– Да... – Пан Казимир отошел от окна, через которое рассматривал старый город. – Здесь чертовски дует! Пожалуй, вы правы, в следующий раз придется подыскать другое местечко...

– Позвольте, пан майор... – Мышлаевский наконец-то начал догадываться. – Разве наши встречи и дальше будут происходить втайне?

– Насчет наших – не знаю, а вот все остальное... – Пан Казимир помолчал и только после многозначительной паузы продолжил: – Видите ли, пан поручик, задача нашей группы кардинально изменена. Мы с вами в ближайшее время должны создать на всей территории гражданскую сеть военной контрразведки.

– Что? Гражданскую сеть контрразведки? – искренне удивился Мышлаевский. – В первый раз слышу такое...

– Я тоже в первый... Это, знаете ли моя попытка определения... – Пан Казимир грустно улыбнулся. – Надеюсь, пану поручику известна вся сложность ситуации?

– Я догадывался... – Лицо Мышлаевского посуровело.

– Так вот, можно ждать всего... Поэтому нам приказано создать военную сеть, причем конспиративную и в гражданском виде. Таковую, которая сможет оставаться на месте при любом, я подчеркиваю, поручик, при любом изменении ситуации...

– Понятно... Значит, теперь, в первую очередь, надо подобрать людей, потом создать базы, наладить связь...

– Само собой. Полная автономия, – вздохнул пан Казимир.

– А как с делом Гжельского? Оставим?

– Ни за что. Заберем Вальчака к себе и пусть продолжает. Кстати, как у него идут дела?

– Неважно. Ничего не может добиться. Лемик исчез. У Пилюка полное алиби, а Меланюк вообще молчит.

– Да, чистая работа... – Майор выругался. – И что, никаких контактов?

– Тут одна Яновская подозрительна. К ней люди каждый день ходят, а зачем – не узнаешь. То ли лечиться, то ли нет, всех не проверишь.

– Да, придется Яновской заняться мне самому...

– Это можно, – Мышлаевский едва заметно ухмыльнулся. – Тут уж никто ничего не заподозрит.

– Дай бог... – пан Казимир помолчал. – Я обосновался здесь, на объекте, но все должны считать, что я наезжаю из Варшавы. Так что придется пану поручику возить меня на своей «лянчии» на вокзал.

– Не понял... – Мышлаевский демонстративно огляделся. – То здесь, конспиративно, а то там, на виду у всех, в машине...

– И не только там. Скоро мы на виду у всех станем друзьями и будем охотиться в самых невероятных местах. А в городе я буду ухаживать за пани Яновской... Ву комперене?

– Понял... Что еще?

– Чуть попозже начнете за глаза надо мной подтрунивать. Называть старым бонвиваном, потерявшим голову от любви...

– Это еще зачем?

– А чтоб никто и мысли не допускал, что я ваш начальник... – и пан Казимир обдал Мышлаевского таким взглядом, что поручик, как по команде, вытянулся, а его каблуки весьма выразительно щелкнули...

* * *

Сегодня пан Казимир прошел город из конца в конец. Он медленно следовал по улице вдоль всех этих еврейских, польских, украинских лавчонок, контор, харчевен, парикмахерских, заявлявших о себе разнообразием рекламы, состоявшей из бесхитростных вывесок, намалеванных прямо на стенах черной краской.

Глядя на этот пестрый обывательский мирок, наивно выставленный напоказ, пан Казимир внезапно испытал чувство отрешенности и какой-то необыкновенной легкости. Скорее всего первый весенний ветер, принесший с собой какой-то прямо-таки опьяняющий аромат, включил скрытый механизм, и освободил мозг майора от разбора всяких вариантов, версий и догадок.

Теперь внимание майора привлекла трехэтажная синагога, торчавшая на самом повороте улицы, выложенной ажурной брусчаткой. Сначала майор не понял, чем привлекло его внимание это неказистое здание, и только повернувшись, он увидел крыльцо, украшенное вазой из искусственного мрамора, и рассмеялся.

Без колебаний пан Казимир завернул в проезд, поднялся по ступенькам и остановился перед дверью, глядя на вделанный в филенку ручной звоночек в обрамлении вежливой надписи «Прошу крутить». Помедлив секунду, пан Казимир вертанул флажок, и тотчас сидевший где-то внутри него веселый дух предсказал ему удачу.

Пани Яновская оказалась дома. Она сама открыла входную дверь и, неожиданно увидев на пороге майора, удивленно подняла брови:

– Это вы? В кабинет?.. Или...

– Никаких «или»! – Пан Казимир улыбнулся. – Если честно, шел мимо и вдруг захотел вас увидеть.

– Ну тогда... – Лидия немного замялась. – Заходите, прошу...

Она провела майора в маленькую уютную гостиную, усадила в кресло и, чтобы как-то начать беседу, сказала:

– Вы знаете, обычно ко мне приходят лечиться, а вы – гость.

– Осталось выяснить, приятный или нет?

Пан Казимир начал с интересом осматриваться.

– Вот так, сразу? – Лидия округлила глаза. – Ну что ж. Прямо – так прямо. Как ни странно, приятный... Вы удивлены? Я, представьте себе, тоже... Хотите чашечку кофе?

– Хочу.

– Тогда посидите чуточку здесь, осмотритесь, а я сейчас...

Пользуясь отсутствием хозяйки, пан Казимир встал с кресла и не спеша обошел гостиную. Обстановка была не ахти. Пара кресел, тахта, столик, шкаф и кабинетный рояль, который заинтересовал майора больше всего. На полированной крышке лежали ноты, были разбросаны женские безделушки и стояли фотографии в резных деревянных рамках.

Эти фотографии и заинтересовали пана Казимира больше всего: он даже взял одну из них в руки и принялся внимательно рассматривать. Снимок запечатлел трех русских офицеров, стоявших на фоне какого-то аляповатого задника. В этот момент в комнату вернулась Лидия и, поставив поднос с горячим кофе на столик, повернулась к майору.

– Что вы там рассматриваете?

– Да вот, странно, лицо молодого человека показалось знакомым... – Пан Казимир поставил фотографию на место.

– Это мой брат. Мы до войны в Киеве жили.

– Вон оно что... – Пан Казимир присмотрелся к штампу на фотографии: «Киев. 1915 г.». – А где сейчас ваш брат?

– Убили. Еще тогда, в шестнадцатом... – Лидия подала майору чашечку кофе. – А вас удивляет, что я русская?

– А почему это должно меня удивлять? Отнюдь... – Майор, смакуя напиток, отпил несколько глотков и попросил: – Расскажите что-нибудь о себе.

– Ну что я могу интересного рассказать? – Лидия мило улыбнулась. – Жили в Киеве. От революции впечатления детские, сумбурные. Но, как теперь понимаю, пострадали мы мало. Мой же отец – врач. Ну, перебрались в Польшу. У отца и сейчас практика, в Голобове. Это недалеко тут, километров тридцать... А я поехала учиться в Варшаву... Поступила в академию, на медицинский. Там встретила одного человека. Хирурга... Знаете, медички почему-то всегда влюбляются в хирургов. Даже в Закопане с ним ездила... И вот здесь, одна. – Лидия как-то по-особому тряхнула волосами. – А, что там... Вы лучше о себе расскажите. А то я успела про вас такого послушаться...

– Выходит, обо мне тут уже все знают? – Пан Казимир картинно приподнял бровь. – А все же... Что именно?

– Ну, значит, что вы большой бонвиван... Еще все такое прочее... И еще кое-что... Впрочем, весьма лестное для меня... И что? Это все правда?

– Все!

– Не шутите так, прошу вас... – голос Лидии странно дрогнул, и все мучившее ее последнее время выплеснулось внезапной истерикой. – Я и сейчас слышу ото всех: Гжельский, Гжельский!.. А что говорил, а что делал? Как будто я виновата! А он, в последнее время только и говорил об ожидающем его переводе! И ни о чем больше! И вот, получил...

– О переводе? – быстро переспросил пан Казимир, но тут же спохватился и осторожно погладил локоть Лидии. – Ну успокойтесь, это вполне понятное любопытство...

– Куда понятнее, – Лидия подняла голову и, перехватив ладонь майора, сжала пальцы. – Служанка, и та последнее время интересуется, что из вещей мне Гжельский оставил, а на днях спросила, когда я к отцу поеду. Не иначе в квартире рыться начнет, убоина...

– А вы разве едете?

– Да, послезавтра...

От такой новости пан Казимир против своей воли подобрался и посмотрел на окружающую его обстановку совсем другими глазами...

* * *

По весеннему времени «Шанхай» ожил. На его кривых улочках засновали обтерханые евреи, зашумели батяры¹⁴, а по темным закоулкам закучковались криминальные типы. И как ни странно, всю эту наволочь объединяло нечто общее. Во всяком случае, ближе к вечеру все они дружно, как сельди в бочку, набивались в пивную Менделя.

¹⁴ Батяры – молодой мещанин из предместья.

Сегодняшний вечер тоже не стал исключением. Народу в пивной было полно. Все они орали, гоготали, хлопали друг друга по спинам, умудряясь при всем этом гаме еще о чем-то договариваться вполголоса. Сам Мендель, как всегда, царил за стойкой, отпуская шуточки, разливая пиво и в то же время остро зыря по сторонам, наблюдал за происходящим.

Тем временем из общей толпы к стойке протиснулся Изя Пинхас – тощий невзрачный еврей с подбитым глазом. Мендель в обход других немедленно всучил ему кружку и доверительно поинтересовался:

– Пан Пинхас, что... Что-то не так? Или я предложил пану плохой гешефт?..

– О, разве я это говорил? – Изя тронул пальцем свежий синяк под глазом. – И вовсе нет...

Кто сказал, что вещи пана Гжельского – плохой гешефт? Нет, это был бы хороший гешефт, чтоб мне не брать в руки пейсахувки¹⁵. Это, таки да, такой гешефт, что даже эти свинячьи бовдуры решили оставить его себе, хотя они, видит бог, ничего не смыслят в коммерции и поэтому чуть что пускают в ход кулаки...

– Ц-ц-ц... Ай яй-яй-яй... И что же? – посочувствовал Мендель.

– Что? Вы спрашиваете? Я, как пан и советовал, начал интересоваться вокруг квартиры пана Гжельского...

– И что? Неужели полиция помешала?

– Какая полиция? – фыркнул Пинхас. – Они все мне лучшие друзья...

– Тогда кто же? – сощурился Мендель.

– Вчера вечером на Монопольевой меня встретил какой-то криминальный тип и просто себе так засветил мне в глаз.

– А может, это обычный пьяный? Там их... Не мне пану рассказывать.

– О, если бы так, я бы все понял... Но потом этот клятый мишигене¹⁶ берет меня за воротник и очень убедительно объясняет, чтоб я и близко не совался к вещам пана Гжельского... Нет, вы себе такое представляете?

– Ц-ц-ц... Как я вас понимаю, пан Пинхас. Но кто бы мог подумать!

Мендель настолько увлекся рассказом Пинхаса, что на время забыл о своих посетителях, и только их громкие требования вернули хозяина к его обязанностям. Он завертелся втрое быстрее, и вспыхнувшее было возмущение само собой утихло, а тем временем обиженный Изя нашел себе утешение в кружке.

Некоторое время Мендель привычно орудовал у стойки, пока его вниманием не завладел только что появившийся громила. Он хлопнул пудовым кулаком по цинку и заржал, как жеребец.

– Ты, Мендель, смотрю жалостливый! Изю Пинхаса пожалел...

Физиономия Менделя приобрела плутовское выражение.

– Ну что вы, пан Ворон? Мне уж и человека пожалеть нельзя?

– Почему нельзя? Пожалеть можно... Только Изя и сам виноват.

– А что, пан Ворон знает, кто подбил Изе глаз?

– Само собой! Сенька Копыто.

– И что, Сенька хочет устроить погром? – рассмеялся Мендель.

– Хе-хе-хе... Скажешь еще. Просто пан Опалык дал ему на чекушку. Видать, где-то твой Изя ему дорогу перебежал в этих ваших гешефтах...

– Вон оно что... – Мендель воровато наклонился, быстренько влил в бокал с пивом граммов сто водки и подал кружку громиле: – Прошу, пан Ворон, ваше фирменное...

– Благодарствую! – Громила с наслаждением высосал все в один присест. – А ты, Мендель, ух и хитрый... Все знать хочешь...

¹⁵ Пейсахувка – праздничная рюмка для водки.

¹⁶ Мишигене – сумасшедший.

– Конечно, пан Ворон... В коммерции без этого нельзя!

Какое-то время Мендель еще топтался у стойки, потом, оставив за себя услужающего, незаметно проскользнул в заднюю комнату, где его появления уже давно ждал майор Дембицкий. Увидев корчмаря, пан Казимир даже привстал со стула.

– Ну что, пришли?

– Да, пару минут назад заявили. Один с подбитым глазом, другой пьян, как всегда.

– Это несущественно... Результат?

– Тот самый. За вещами Гжельского следят.

– Кто? – нетерпеливо подогнал Менделя пан Казимир.

– Думаю, некто мещанин Опалык... Батяр Сенька Копыто на него работает, он впрямую Изю Пинхаса вразумлял.

– А это еще что за цабе¹⁷?

– Кто, Опалык?.. Хозяин мясной лавки. А что касается цабе, то это еще то цабе! Чую я, тут без пана Лемика не обошлось...

– Доказательства? – резко кинул майор.

– Доказательства?.. – Мендель едва заметно сморщился. – Пан Казимир, я, конечно, дико извиняюсь, но, как говорил когда-то пан Криштофович, главное – это информация...

– Ты меня не так понял. Качество информации... Какое?

– Я за свою информацию ручаюсь.

– Этого достаточно! – и пан Казимир резко встал со стула...

* * *

Вечером, часов около десяти, когда по улочкам затихающего городка идут только одинокие пешеходы, в проезд напротив синагоги свернула серая «лянчия» с полупритушенными огнями. Автомобиль проехал в самый темный угол двора, и там его мотор стих, а фары погасли. Из кабины осторожно выбрались Вукс и пан Казимир.

– Вроде тихо... – Майор прислушался.

– Нормально! – В затылок ему прошептал Вукс.

– Тогда пошли.

Майор проскользнул вдоль стены и боком поднялся на ступени парадного, уходящего своей площадкой в глубь дома. Вукс последовал за ним, и сразу у автомобиля, оставшегося в глубине двора, вспыхнули фары. Яркий свет резко очертил тени, и теперь вольный или невольный наблюдатель не мог видеть, что делается в нише парадного.

Пан Казимир бросился к двери, поспешно вытащил ключ и попробовал вставить его в скважину. С непривычки он сразу не попал в ключевину, и стоявший у него за спиной Вукс забеспокоился:

– Что?.. Не подходит?

– Должен... Сам слепок делал...

Наконец майору удалось отжать ригель. Поручик и пан Казимир нырнули в квартиру, а автомобиль, все это время освещавший фарами двор, сделал круг и выехал на улицу, после чего дом окончательно погрузился в темную весеннюю ночь, напоенную тревожными ароматами и свежестью.

Квартира, состоявшая из вытянутой анфилады комнат, имела два выхода. Едва успев пообвыкнуться и осмотреться, пан Казимир и Вукс пробрались в спальню, примыкавшую к кухонному коридору, и начали устраиваться. Разглядев в углу белую кафельную печь, пан Казимир вспомнил, что там должна быть откидная вентиляционная крышка, и приказал Вуксу:

¹⁷ Цабе – здесь: чудик.

– Фонарь крепи в вентиляционный канал...

Пока поручик возился с закреплением фонаря в отверстии и протягивал шнурок, привязанный к выключателю через комнату, пан Казимир уже подыскал себе местечко за дверью. Засев в облюбованном углу, майор прислушался. Тикали часы, и в липкой тишине было слышно, как в умывальнике капает вода. Мерные, казавшиеся слишком громкими удары, раздражали. Пан Казимир не выдержал, прошел в ванную, закрутил кран и вернулся на место.

Ждать было утомительно. Плотные зашторенные окна и закрытые ставни создавали в комнате почти непроницаемый мрак, отчего время тянулось еще медленнее. Однако ни майор, ни затаившийся неподалеку Вукс ничем не выдавали своего присутствия.

Светящаяся стрелка на часах майора уже поползла к двум часам, когда у черного хода послышались осторожные шаги. Майор затаил дыхание. Еле слышно щелкнул умело открытый замок, забренчала на кухне случайно тронутая чашка, долетел шорох из коридора, и вот уже неизвестный пересек спальню и приблизился к дверям гостиной. Здесь он остановился и хотя ситуация складывалась не лучшим образом, пан Казимир понял, что ждать больше нельзя. Майор напряжился и, как было условлено, громко щелкнул пальцами.

Ярко вспыхнувший свет на мгновение ошеломил всех. Но уже в следующую секунду произошло то, чего пан Казимир никак не предполагал. Резко хлестнул пистолетный выстрел, слившись со звоном разбитого пулей фонаря, и уже в темноте пан Казимир услышал глухой стук свалившихся на пол тел. Это Вукс, воспользовавшись моментом, кинулся на неизвестного.

Загрохотал стул, опрокинутый на паркет, кто-то из борющихся зацепил каблуком голень майора и только тогда, отпрыгнув в сторону, пан Казимир включил свой фонарь. В ярко высветившемся световом конусе он увидел, как Вукс, придавив телом левую руку незнакомца, обеими руками намертво перехватил его правый кулак с зажатым в нем пистолетом.

То, что это преимущество временно, майор понял сразу. Еще секунда – и уже сгруппировавшийся незнакомец ногами отбросит поручика в сторону. Нужно было во что бы то ни стало помешать ему, и пан Казимир нанес противнику жестокий удар носком сапога по крестцу. Еще несколько рассчитанных движений – и майор спокойно включил в комнате верхний свет.

Перед ним на полу лежал крепкий мужчина в расстегнутом серяке. Вукс, отбросив пистолет в сторону, крепко связывал ему руки заранее припасенным шнурком. Подняв с пола оружие незнакомца, майор коротко приказал поручику:

– Обыщи.

Пока Вукс добросовестно копался в серяке и рылся в карманах, пан Казимир рассмотрел пистолет и удивленно присвистнул.

– Послушай, у него же совсем новенький «люггер»...

– И ни одной бумажки в карманах, – добавил Вукс, поднимаясь с пола.

– Так... А ну посмотрим здесь...

Пан Казимир быстро отошел к печке и начал разглядывать вентиляционный канал. Пуля влетела в его середину, не зацепив даже крышки. Майор сунул руку в дыру и вытащил деформированный фонарь.

– Да, школа хорошая... – Пан Казимир повернулся к Вуксу. – Наводим порядок – и ходу отсюда!

Через некоторое время связанного незнакомца вывели из квартиры и провели на соседний двор, где был спрятан автомобиль. Тихо заурчал мотор, и серая «ляничья», проскользнув в ворота, начала петлять по городским улочкам, выбираясь на глухое окраинное шоссе...

* * *

На рассвете, с трудом проехав по узкой лесной дороге, «ляничья» въехала на огороженный кривыми жердями двор «лесничушки». Из-за руля, разминаясь на ходу, выбрался Мыш-

лаевский, а пан Казимир и Вукс выволокли из кабины все еще связанного по рукам и ногам пленника. Здорово помятый, он поводит вокруг очумелым взглядом, но лесной воздух быстро привел его в чувство.

Дав ему очухаться, Вукс распустил веревки и повел даже не пытавшегося сопротивляться пленника в дом. Там в комнате предупрежденный Мышлаевским лесник уже зажег висевшую под потолком большую керосиновую лампу и истуканом встал у двери.

Теперь, убедившись, что пойманный ими мужик достаточно сбит с толку, пан Казимир толкнул его на стул и прямо в ухо яростно прошипел:

– Ты кто?

– Я?.. Коготь... – пленник уже успел оклематься и теперь вполне осмысленно и даже нагло встал по сторонам.

Признаться, поведение этого самого Когтя удивило пана Казимира, и он, усевшись на стул, сменил манеру допроса:

– Зачем в квартиру залез?

– Як то зачем?.. О, дурне питання...

И тут Вукс, стоявший сбоку, со всего размаху ударил его кулаком по голове. Кубарем слетев со стула и поняв, что тут шутить не будут, Коготь мгновенно начал скулить:

– Ну чего, начальник, чего? Ну выстрелил я... Да... Але ж не зачепив никого! То ж я с перепугу! Звиняйте, панове...

– Зачем лез, спрашиваю? – рявкнул пан Казимир.

– Та, звичайно ж... Поцупити щось хотів... Взнав, що пани поїхала, ну от я... Так я ж й не взяв нічогісеньки! Але провину свою визнаю, і ладен до криміналу...

Взгляд Когтя так и метался по комнате, и пан Казимир ни минуты не сомневался, что все это только заранее отработанная игра.

– В криминал хочешь, скотина? – вызверился майор. – Ты что, дурак, за полицию нас принял? Поручик, объясните выродку...

На этот раз Вукс не ограничился кулаком, а пустил в ход свои щегольские «англики».

– Пане поручик, за що?.. – заверещал Коготь, пытаясь спрятаться от так и сыпавшихся на него ударов.

Дав ему напоследок еще пару раз сапогом, Вукс зажал в кулак ворот Когтя и злобно прошипел ему в лицо:

– Мы, пся крив, военная контрразведка, и башка твоя сейчас висит вот на такой тонюсенькой ниточке...

– Панове, панове... – враз севшим голосом залепетал Коготь. – Так я ж не знав! Слово чести, не знав! Я все скажу... Все!

– Отпусти его... – приказал пан Казимир и «добреньким» голосом спросил: – Пистолет у тебя откуда, рвань?

– Купил... Купил на базаре! Нашему брату без оружия нельзя...

– Ладно, – неожиданно улыбнулся пан Казимир. – Где «люггер» взял и где стрелять научился, мы еще выясним. А сейчас отвечай, зачем в квартиру залез? Только правду, а то у нас разговор короткий...

– А за тетрадкою! Зошит¹⁸ такой серенький... Там ще на ньому голубки намалевани... Я, пане, третьего дня с шинка вышел, а до мене пан. Так, пидишов й каже: «Коготь, йди за мною!» Ну и про той зошит... Щоб я, значит, влез до квартиры і знайшов.

– Смотри ты, какой добрый! Его попросили – он и полез...

– Так пан за ту тетрадку сто злотых пообещав!

¹⁸ Зошит – тетрадь.

Теперь Коготь говорил вполне убедительно. Версия с тетрадкой очень походила на истину, и пан Казимир насторожился:

– Да ну? Сто злотых, то гроши. И что ж в той тетрадке такого? Неужто, пан не пояснил?

– А як же! Каже вони с паном Гжельским в карти гралы, и пан Гжельский все у ту тетрадку записував... А тепер той пан побоюється, що ту тетрадку знайдуть и его обвинят, бо вин грошей програв дуже багато... И ще той пан торочив, будто пан Гжельский з Яновською в нього за долг усадьбу вимагали...

– Что? – оторопел было пан Казимир, но тут же взял себя в руки. – Ну нашел бы ты ту тетрадку, а дальше?

– А пан мени телефон дав... Каже, знайдеш, позвони и пана Каминского спытай...

– Даже так... И какой номер?

– Номер? Счас... 2—12... Точно, 2—12!

Пан Казимир растерянно переглянулся с Мышлаевским и после паузы повернулся к Вуксу:

– Закончили, поручик. Этого в подвал пока...

Мышлаевский и пан Казимир молча стояли возле крыльца «лесничувки». Мышлаевский курил, а пан Казимир пребывал в некоторой растерянности и, скрывая свое состояние, отмахивался от дыма. Наконец Мышлаевский не выдержал:

– Выходит, тайная страстишка?

– Да, узелочек... – пан Казимир вздохнул.

Из дома вышел довольный Вукс и, видя, что майор не возражает, тоже с удовольствием закурил.

– Ну что, вроде порядок?

– Вроде... – вяло согласился пан Казимир.

– А почему нет? – Вукс уловил недоговоренность. – Проиграл панок весь маеток и за карабин. А нам дружка малахольного подставил и тоже, на всякий случай, кокнул. Так что сдаем дело в полицию и вся недолга... Что? Не так?

– Конечно, так, – скептически согласился Мышлаевский. – Остается только пану Каминскому позвонить...

– А что? – весело отозвался Вукс. – Можно и позвонить.

– А то, – неожиданно жестко ответил ему пан Казимир, – что номер «2—12» – это личный телефон шефа полиции пана Зарембо...

* * *

Пан Казимир задумчиво стучал пальцами по стеклу. Как ни крути, но засада в квартире Яновской не принесла нужного результата, и все, что мог сделать майор, это передать Когтя заботам следователя Вальчака. От этих невеселых размышлений пана Казимира отвлек Вукс, явившийся с очередным докладом.

– Ну что? – майор еще раз взглянул на городскую панораму и отошел от окна.

– Есть! – радостно доложил Вукс. – Многие видели, как Гжельский что-то писал в серой тетради.

– А голубки?

– Тоже... Один жолнеж¹⁹ подтверждает. Сейчас явится.

– Ясно... – Пан Казимир зашагал по комнате, пересекая ее из угла в угол. – А я, признаться, сомневался...

– Выходит, прав был этот самый Коготь, – уточнил Вукс.

¹⁹ Жолнеж – солдат.

– Да версия беспроегрешная, – пан Казимир приостановился. – Ну что, поручик, порассуждаем?

Вукс удивленно воззрился на пана Казимира, и майор понял, что до него поручику никто ничего такого не предлагал.

– Ладно, – пан Казимир усмехнулся. – Я буду рассуждать вслух, а вы – оценивать. Если что, возражайте. Понятно?

– Так точно!

– Тогда начнем. – Пан Казимир снова прошел по комнате, собираясь с мыслями. – Версия у нашего Когтя, как я мыслю, беспроегрешная. Точный выстрел – случайность. Тетрадь есть. Очная ставка с паном Зарембо – глупость. Про Яновскую я и говорить не буду.

– А если, – неожиданно перебил пана Казимира Вукс. – Если позвонить этому пану Каминскому? Вроде как есть тетрадь!

– Мысль! – Пан Казимир поднял палец и, одобрительно посмотрев на поручика, улыбнулся: – Только это не наше дело. Пусть этим пан Вальчак занимается. Наше дело – тетрадь. Найдем, вопросов не будет. Да, вот еще что, поручик... Как по-вашему, почему Гжельский мог говорить о переводе?

– Я так думаю... – польщенный Вукс сразу почувствовал себя увереннее. – Во-первых, это – дыра. У Брониславского тут дело, а нам с вами, простите, в свободное время только лягушек изучать.

– Так... А во-вторых?

– А если деньги большие улыбаются, чего тут сидеть?

– Это верно... Но тогда о переводе как-то надо просить. А вот если там не картежные записи, то... – Майор опять вспомнил о тетради. – Вот тогда нам надо прятать Меланюка и Когтя подальше от пана Зарембо...

Пан Казимир хотел еще что-то сказать, но в дверь постучали и возникший на пороге бравый солдат лихо щелкнул каблуками.

– Жолнеж Стус Збигнев по приказанию пана майора прибыл!

– Вольно, вольно, разговор не по службе... – Майор внимательно посмотрел на солдата: – Что, варшавский?

– Было. – Лицо солдата расплылось в улыбке. – И газетами торговал, и папиросами... А как пан майор догадался?

– Служба. – Пан Казимир подошел к Стусу и доверительно положил ему руку на плечо. – А теперь, серьезно. Расскажи-ка мне про тетрадку...

– Я попробую, пан майор. – Стус наморщил лоб от усердия. – Значит, так... Видел два раза, нет, три... Как по вечерам докладывал. Пан поручник что-то там записывали, а как я входил, закрывали... Это все.

– А голубки? – напомнил пан Казимир.

– Так были и голубки... Похоже, их пан поручник сами нарисовали. Он как закрывал тетрадку, их каждый раз видно было.

– Это хорошо... – Майор прошелся по комнате. – А скажи, ты домой часто пишешь?

– Конечно, пан майор. И отправляю, как положено. Как вы приехали, с этим строго стало.

– При Гжельском полегче было?

– Да... – Стус немного замялся.

– Ну-ну, смелее! – подбодрил его пан Казимир.

– Тут рядом Заяц-почтарь живет. Ну вот... Раньше прямо к нему можно было.

Пан Казимир многозначительно посмотрел на Вукса и вдруг подмигнул Стусу.

– Ну-ка скочь на конюшню, пусть нам лошадей оседлают. Съездим втроем к твоему Зайцу...

К хутору Заяц-почтаря пан Казимир, почувствовавший удачу, гнал карьером. Поскакав к ограде, все трое враз осадили лошадей и спешили. Баба, возившаяся во дворе, с испугом уставилась на направившихся прямо к хате военных.

– Эй!.. Заяц-почтарь дома? – весело окликнул ее Стус.

– Дома, пан, дома... – баба деревянно поклонилась.

Оставив солдата с лошадьми, майор первым взошел на крыльцо и, пнув ногой дверь, вошел в низкую, засиженную мухами горницу. Навстречу ему с лежанки оторопело вскочил нечесаный мужик в домотканых портках. Майор по-хозяйски сел на лавку и строго спросил:

– Ты, Заяц-почтарь?

– Я, пан офицер...

– Тебе поручик Гжельский почту давал? – в лоб рубанул майор.

К вящему удивлению пана Казимира результат превзошел все его ожидания. Баба, тихонько зашедшая в хату, вдруг заголосила, а мужик повалился на колени и начал бессвязно выкрикивать:

– Не губите, пан офицер! Не виноват я!..

Мгновенно оценив ситуацию, пан Казимир рявкнул:

– Молчать!!! – Вопли немедленно прекратились. – Встань!

Мужик мгновенно вскочил и собачьими глазами уставился на майора.

– Значит, поручик Гжельский давал тебе письмо... – внушительно сказал пан Казимир. –

А ты его куда дел?

– К куму заезжал по дороге, к куму... – сбивчиво начал пояснять Заяц. – Выпили мы добряче, а до гмины²⁰ приехал, нема письма...

– А может, то пакет был? – пан Казимир пальцами показал тетрадный размер.

– Письмо, пан офицер, письмо! У конверти... Да я... Виноват, пан офицер, винова-а-а-т!..

– Цыц! – Вопли мужика начали раздражать майора. – К куму часто заезжал?

– Та почитай кожного разу... У кума ж бимбер²¹ добрый...

– Ах ты, бимбер, так твою! Где кум живет?

– А нема его, пан офицер, нема! На заробитки поихав, на заробитки...

– Что?! – Пан Казимир вскочил с лавки. – Какие еще, пся крев, заробитки!

– Виноват, пан офицер!.. Винова-а-ат!..

– Поручик! – Пан Казимир безнадежно махнул рукой. – Уйми его.

Вукс шагнул на середину и вытащил из кобуры «вис».

– Прикажете застрелить?

Заяц-почтарь потерял дар речи. Не сводя глаз с поручика, он задом начал отползать мимо своей вообще остолбеневшей бабы в самый дальний угол. Насладившись этой картиной, пан Казимир медленно и отдельно произнес:

– Подожди... Но если он что-нибудь вякнет, то на месте...

И уже не слушая благодарного бормотания Заяца, пан Казимир повернулся и в сопровождении Вукса не спеша вышел из хаты...

* * *

Стены камеры незаметно переходили в сводчатый потолок, и линии углов плавным загибом соединялись в центре, образуя выгнутый крест. Камеру недавно белили, и известковые полосы, оставленные квачом, тоже тянулись вверх, постепенно сливаясь в ровный белый фон.

²⁰ Гмина – наименьшая административная единица Польши.

²¹ Бимбер – самогонка.

Вообще-то, рассмотреть такие детали было трудно – узкое зарешеченное окно до половины закрывал прибитый снаружи деревянный щит.

Впрочем, Петро Меланюк уже так хорошо изучил свой квадратный закуток, что особой нужды приглядываться ему не было. Время тянулось медленно, «гранатовый полициант» с точностью часового механизма, гремя заслонкой, заглядывал в камеру, и все изменения были только в небольшом прямоугольничке видимого в окне неба, сначала зимне-белесого, а теперь, по весеннему времени, все чаще радостно-голубого.

Правда то, что его держат в одиночке и почти не вызывают на допросы, несколько смущало Петра, но он был искренне убежден, что всякий борец за свободу должен сидеть за решеткой, и поэтому воспринимал свое состояние, в общем-то, спокойно. Разволновался он только один раз, когда на Великдень в недалеком соборе зазвонили колокола. Петру стало как-то грустно, представился праздничный стол и даже тарелка свежего студня, где из густо-жирной пленки торчат куски свиной шкуры с плохо выпаленной щетиной. Правда, сегодня Петро о холодце не думал, а вышагивая по камере, старательно вспоминал все уловки следователя, пытаясь разобраться, что тут к чему.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.